

Исповедь черного человека

Автор:

Анна Литвиновы

Исповедь черного человека

Анна и Сергей Литвиновы

Высокие страсти #1

Жанна мечтала о красивой жизни и хотела, чтобы ей кто-нибудь ее обеспечил. Вилен мечтал «зацепиться» в Москве и был готов ради этого на все. Между ними сразу возникла симпатия, но они не могли осуществить желания друг друга, поэтому стали добиваться своего поодиночке. Это не отменяло приятных встреч, начавшихся... после женитьбы Вилены на москвичке Лере, состоятельной генеральской дочке. Парня не смущало, что за Жанной ухаживает его институтский друг Радий, с которым они вместе прошли огонь, воду и медные трубы. Вилен уже продумывал варианты, как избавиться от Радия... Все они встретились на дне рождения Леры. Самолюбие Вилены было полностью удовлетворено: за одним столом сидели его жена и любовница! Если бы он знал, что вечер закончится убийством...

Анна и Сергей Литвиновы

Исповедь черного человека

Пролог

10 октября 1959 года

Двадцать четыре – прекрасный возраст. Жаль, что понимаешь всю его прелесть совсем не в тот момент, когда самому столько стукнуло. Начинаешь осознавать прекрасную округлость этой даты, когда исполнится тебе вдвое больше. И с каждым новым прожитым годом чувствуешь безвозвратную даль этой цифры все острее.

Так думал, покачиваясь на заднем диване в персональном «ЗиМе», генерал-полковник в отставке Семен Кузьмич Старостин. Генерал военную форму уже пять лет как не носил. Но люди его профессии, как говорится, навсегда остаются в строю. Служат там, куда поставят Родина и партия. Вот и Семену Кузьмичу доверили важный участок: направили освобожденным секретарем парткома на один из самых крупных в Москве секретных заводов. Должность, конечно, выборная – но люди-то голосуют, за кого скажут, и безо всяких альтернатив. Вот он уже целую пятилетку там ляжку тянет.

Самому генералу стукнуло пятьдесят пять. Воевал, награжден орденами. При штабе не отсиживался, дважды был ранен. И Родина щедро вознаградила его доблесть и усердие.

Дом, который ведет супруга, Ариадна Степановна (сидящая в настоящий момент рядом на диване «ЗиМа»), – полная чаша. Квартира пятикомнатная на новой, послевоенной московской парадной магистрали – Кутузовском проспекте. Дача государственная по тому же направлению, в Барвихе. «ЗиМ» персональный, с шофером Костиком, который всегда готов услужить и генералу, и генеральше. Все у Семена Кузьмича есть, даже коллекционный германский фарфор. Жаль только, что дочка всего одна, Валерия, и более детишек нет и уже не предвидится. Остается только внуков ждать.

Именно дочь, Валерия, и отмечала сегодня день рождения – упомянутое двадцатичетырехлетие. Чтобы молодые смогли как следует погулять, генерал с супругой и освободили территорию. Пусть молодое поколение порезвится. Семен Кузьмич вместе с Ариадной Степановной отправились на дачу. Домработница Варвара испекла пироги, приготовила свой фирменный холодец и не менее известный в узких кругах винегрет и осталась на подхвате: сервировать и подавать.

Лерочку, дочь свою единственную, генерал любил и баловал. Растил, учил, холил и нежил. Слава богу, удачно (он считал) выдал замуж. Лера ведь, кровиночка, надо признаться, не красавица. Совсем не красавица. Сама высокая,

крупная, с большими руками и стопами. Широкая кость, широкий шаг. И специальность выбрала далеко не женскую. Захотела, как тысячи ровесников в пятьдесят третьем, стать инженером. Выдержала серьезный конкурс, поступила в авиационный на самолетостроительный факультет. С другой стороны, оказалось стратегически правильно, что учиться она отправилась в технический вуз. У них на курсе среди девчонок не оказалось практически никакой конкуренции: три девицы на сотню мальчишек. И в итоге вышло, что Валерия подходящего парня, однокурсника, самолетчика, в мужа себе зацепила. Нормальный парень – сколько бы там теща новоявленная, Ариадна Степановна, на зятя ни тянула.

Да, к зятю Вилену можно много рекламаций предъявить. Во-первых, совсем не красавец. И, что настораживало, не москвич. Однако Семен Кузьмич с помощью товарищей из органов его прокачал. Все оказалось у Вилена чисто. И с ним самим, и с родичами его: никто не был, не состоял, не участвовал, не привлекался.

Плюс к тому в процессе знакомства не одну и не две бутылки коньяка армянского генерал с ним в домашнем кабинете распил. Попутно прощупал Вилена вплоть до подноготной и теперь знал точно: зять его товарищ умный, пробивной и практичный. Может, правда, любви у него безумной к Валерии нет. Зато он испытывает к ней другое, более важное на данном этапе чувство: уважение. Он даже по отношению к матери ее, теще своей, определенное почтение питает. Потому не обращает внимания на шпильки со стороны Ариадны Степановны. И к самому генералу относится с должным пиететом.

Семен Кузьмич уверен: зять семью, включая тестя и тещу, не предаст, не продаст. Вдобавок мальчик он смысленый. Образованный, опять же. У такого типа карьера сама пойдет, покатится. Его только в начале надо подтолкнуть слегка. А это генерал уже сделал и еще сделает, если понадобится, за ним не заржавеет. По всем статьям дочка за зятем новоявленным – как за каменной стеной. В обиду он ее не даст.

Быстро доехали до дачи. Шофер Костик помог перенести в дом вещи и провизию. Генерал отпустил его до вечера воскресенья.

Супруга, Ариадна Степановна, немедленно улеглась на тахту со свежими номерами «Юности» и «Нового мира» – отдыхала. А для генерала лучший отдых заключался, как говаривал Ленин Владимир Ильич, в перемене работы. Он взял

грабли веерные да стал сгребать осенние листья. Листьев навалило много, осень стояла поздняя, а участок у Старостиных был дай бог, сорок соток.

Получившиеся кучки Семен Кузьмич стал свозить на тачке к старой бочке, сваливал их туда, жег. Запах прелых горящих листьев создавал настроение одновременно романтическое, радостное и грустное. Грустное оттого, что вот и еще одно лето прошло, и зима катит в глаза, и, кто его знает, сколько их еще, этих лет, у генерала осталось? А радость была потому, что запах жженных листьев предвещал все ж таки новое: смену сезона, и снег, и Новый год – а с ним, новым снегом, и новые свершения, открытия и, кто знает, быть может, любви.

Так генерал трудился до темноты, а потом супруга позвала его ужинать. Почаевничали, а затем Семен Кузьмич включил висевший на ели мощный прожектор и продолжил свое дело: возился с палой и прелой листвой. Костер чах, дымил, а иногда вдруг выстреливал столбом искр и пламени.

И только уже ближе к одиннадцати, иззябнув, надышавшись кислородом и наработавшись, генерал вернулся в дом. Ариадна прикорнула на тахте, не выключив свет и не раздевшись. Очки ее мирно лежали на полу поверх раскрытых на середине журналов.

И тут раздалась трель телефонного звонка – Семен Кузьмич уже давно достиг того уровня, когда телефон ему полагался не только домашний, но и дачный. Правда, не «кремлевка», но все-таки связь на экстренный случай. Быстро, чтоб трезвон не разбудил супругу, генерал подошел к телефонному столику и взял черную эбонитовую трубку.

– Старостин у телефона, – представился он. Он был практически на все сто убежден, что звонят ему по работе. «Не дай бог, какое-то ЧП в ящике моем случилось», – мелькнула в первый момент мысль.

Однако, оказалось, звонила дочка.

И ЧП, как выяснилось, произошло у нее.

– Папа, папочка, – проговорила она сквозь слезы. – Приезжай скорее! Пожалуйста! Тут человека убили!!!

Глава первая

За два года до описанных событий.

Октябрь 1957 года

Галя Бодрова

Судьба, говорят, может прийти к тебе в любой момент, и к ее визиту надо быть всегда готовой. Но кто бы знал, что к ним обеим Фортуна явится в один день, одновременно! Но девушки, и Галя, и Жанна, столь фатально будут к ней неподготовлены!

Во-первых, и в-главных, конечно, – внешний вид. За два месяца на целине обе пришли в полнейший упадок. Ни стрижки, ни, разумеется, укладки. Ни маникюра. Загрубевшие, словно у колхозниц, руки, ногти обломаны. На голове не волосы, а, простите за выражение, патлы. Загорелые и обветренные физиономии. И одежда, прямо скажем, подкачала: на обеих – бесформенные шаровары, фланелевые ковбойки, а на ногах – тапочки. Впрочем, остальные девчонки в отряде выглядели ни капли не лучше. Поэтому с равной вероятностью судьба могла постучаться к кому угодно. Она и колотилась ко многим – в лице мальчишек из авиационного, которые тоже разъезжались с целины по домам. Одно утешение: парни – по крайней мере, по прическам, манерам и одежкам – тоже на роль принцев на белых конях не сильно тянули.

Владик Иноземцев

Лето прошло, и Владик был счастлив. Кончилась целина, и больше не надо в пыли, изо дня в день, с утра до ночи, грузить лопатой на току пшеницу. Это было тяжело. Ведь он не Радька и не Слон. Он к физическому труду непривычен. Он, не будем кривить душой, – мальчик из интеллигентной семьи. Не то что, к примеру, Радька – выходец из колхоза. Или Слон, что родом из военного гарнизона. Но Владислав, тем не менее, все выдержал. Превозмог. И работал не хуже других. И никто не смог (и уже не сможет!) сказать, что он, дескать, сачок, – ни командиры, ни товарищи. Никто и не говорил. Еще и поэтому был счастлив

Иноземцев: он прошел испытание, перетерпел, вынес. И вот теперь возвращался в Москву – как герой труда, комсомолец, покоритель целины.

И поэтому тоже ликовала душа: скоро, совсем скоро – всего несколько суток пути, и они окажутся в столице. А там их ждут институт, к которому Владька уже привязался, и театры, и множество кинозалов, и асфальтированные проспекты, и многоэтажные здания. И метро с его лестницами-чудесницами, которые до сих пор радовали и удивляли. А еще в столице будет учеба, по которой он, честно говоря, соскучился, и библиотека с ее множеством книг, по которым истосковался. Наверное, ведь и новинки за лето вышли.

На станцию в Бийск их подвезли в бортовых самосвалах. Ехали в кузовах, сидели на скамейках, рюкзаки и фанерные чемоданы под ногами.

После степи, селений, избышек и барака, которые стали привычными для них за два месяца, даже Бийск произвел, с отвычки от городской жизни, ошеломительное впечатление. Автомобили! Асфальт! Несколько многоэтажных домов! А ведь это всего лишь районный центр. Уездный (как писали дореволюционные авторы) городок. Какой же прекрасной, верно, Владику покажется – когда они, наконец, вернутся – сама Белокаменная!

Авиационщики выгрузились. Поскидывали из самосвалов свои заплечные мешки и фанерные чемоданы. Тепло попрощались с шоферами.

Конечно, отцы-командиры не замедлили скомандовать построение.

В советские времена молодых строили – в самом прямом, непосредственном значении слова – гораздо чаще, чем сейчас. Можно сказать, по каждому удобному поводу. И далеко не только военнослужащих. Их, студентов, тоже расставляли по ранжиру нередко. Вроде как подбавляли им дисциплинки, которую они недополучили, смотавшись от военных тягот в институт. Во время пребывания на целине их строили по утрам и вечерам – это само собой. Но! В жизни к тому же существовала военная кафедра. И только что, к фестивалю, созданный комсомольский оперотряд. И даже когда они в хоре пели – а они почти все пели, – их там тоже строили, хоть и не по росту, а по голосам.

Владик со Слоном и Радькой, втроем, и в шеренге ухитрились стоять рядом. Так же, как на семинарах и лабораторных сидели. Да и жили в одной комнате. С

первого курса. И хоть переругивались порой, но не рассорились, не разбежались.

Возможно, потому, что были они друг на друга совсем не похожими – причем своими характерами взаимно дополняли друг друга. Владислав, по общему мнению, из троих являлся самым умным. Однако свое собственное лидерство по данной линии он самокритично оспаривал. Говорил, что он – просто «начитанный». Да и каким ему быть, объяснял Владик, если его мама в библиотеке работала? Он и читать научился сам, в четыре года, еще до войны, и потом книжки глотал практически без перерыва, запойным образом. Из общей эрудиции и любви к чтению следовали учебные достижения: все сессии в МАИ сдавал на «хорошо» и «отлично» и на красный диплом шел.

Радик тоже учился неплохо, по отметкам лишь чуть хуже, чем Владислав. Однако успехи его управлялись несколько иными пружинами. Радька был, по всеобщему убеждению, дьявольски сообразительным. Ему достаточно было один раз прочесть конспект или выслушать объяснение преподавателя или товарища, чтобы понять, как решается та или иная задача (по физике или сопромату), как устроен тот или иной прибор и действием какого закона объясняется то или иное явление природы. «Хватает на лету», – говорили о нем и сокурсники, и соратники по кружку, и те преподаватели, что ему симпатизировали.

Наконец, третий герой, Вилен Кудимов, по кличке Слон, брал не начитанностью и не сообразительностью. Ни того, ни другого качества в числе его достоинств просто не имелось. Он, возможно, и завидовал в указанном компоненте своим более одаренным друзьям, однако никогда о том не распространялся. И чтобы успевать в учебе – а он успевал! – использовал иные методы. Например, усидчивость. Вилен старался ходить на все лекции, садился всегда на первую парту и тщательно конспектировал предмет. На курсе сразу сложилась постоянная когорта людей, которым сокурсники не завидовали, однако уважали: те, кто не прогуливал лекций и чуть не демонстративно садился в первые ряды. К их числу относились, во-первых, шестеро китайских товарищей: те держались особняком и были совершенно неотличимы внешне, в своих одинаковых синих «маодзедуновках». Все лекции парни из братской страны тщательно записывали, но горе тому, кто возьмет у них для подготовки конспект: настоящая китайская грамота, ни черта не понятно! К посланцам братской страны примыкали трое-четверо девиц, очкастых и некрасивых, а также двое-трое зубрил-москвичей, тоже очкастых и прыщавых. И с ними – почти всегда за первые столы усаживался Вилен Кудимов, он же Слон.

Когда Слон не понимал, к примеру, метод решения задачи, готов был раз за разом слушать объяснения, причем не гнушался приставать с расспросами ко всем: преподавателям, соседям по комнате (Радьке и Владику), однокурсникам. Готовиться к экзаменам также предпочитал Вилен в компании – тем паче, у него всегда имелись собственные конспекты, поэтому друзья охотно шли с ним на сотрудничество. А Владик с Радькой на нем свое умение объяснять оттачивали, терпеливо растолковывали ему неясности.

Кроме того, Слон (вслед за товарищами будем называть его именно так) обладал качествами, которые ни в коей мере не были присущи ни Владьке, ни Вилену. Он, что называется, умел жить. И умел устраиваться. Мы уже упоминали, что студент Кудимов старался посещать все лекции (о семинарах и «лабах», то есть лабораторных работах, и говорить нечего!). Притом он стремился, чтобы профессор его заметил: садился на первую парту, охотно откликался на шутки, подавал, когда требовалось, реплики. После занятия часто задерживался и задавал вопросы. Немногочисленным, но все ж таки имевшимся в институте женщинам-лекторам (в основном с кафедр марксизма-ленинизма и иностранных языков) старался делать при случае комплименты. Если занятие вдруг выпадало на Восьмое марта – единолично притаскивал лекторше веточку мимозы. Он никогда, впрочем, не пересаливал и не бывал излишне подобострастным. Усердие Слона, вкуче с его усидчивостью, всякий раз вознаграждалось. Хоть трудно ему было (особенно на начальных курсах), но на стипендию Вилен сессии свои сдавал.

Его житейская цепкость и приспособленность помогали Слону не только в делах учебных. Комнату, где они проживали с Радиком и Владиславом с первого курса, в конце концов, тоже он нашел. (Авиационный институт далеко не всех своих студюозусов обеспечивал общежитием.) Слон, как только поступил, пробежался по дипломникам и прочим старшим товарищам, не погнушался порасспрашивать – и, пожалуйста, отыскал великолепную мансарду на троих в Тушине. А потом уже сам пригласил к себе в соседи и компаньоны Радьку и Владика, выбрав их острым своим нюхом среди сотен других однокурсников. Видать, почувствовал, что они подходят для него, могут быть полезными.

Многие студюозусы в те годы подрабатывали. И как-то само собой получалось, что у Слона приработок оказывался если не самый весомый, то непременно наиболее приятный. Однажды он, к примеру, даже на мясокомбинат устроился – что было явлением совершенно непостижимым. Он не просто получал там зарплату, но и рубал во время работы – от пуза, как никогда в жизни раньше не

ел. Лафа с мясом для него довольно быстро, правда, кончилась. Однако даже если Слон устраивался на Москве-товарной простым грузчиком, как-то само собой выходило, что носил он тяжести значительно более привлекательные, чем прочие. К примеру, все таскают мешки с цементом – а Вилен арбузы. У друзей арматура – у Вилена огурцы.

Впрочем, за оборотистость и умение жить Владька и Радик ни разу Слона в открытую не корили. Однако над качествами этими между собой посмеивались и даже осуждали. Ведь советский человек не должен ловчить, приспособливаться, тем более хитрить. Не при капитализме живем! Бесхребетность не украшает комсомольца! А нужны ему в жизни – верность дружбе и слову, товарищество и взаимопомощь, открытость и честность! Впрочем, товарищем Вилен был хорошим, никогда друзей не забывал. К примеру, если выдавали, как премию за погрузку, пару арбузов – непременно приносил домой, делился с Радиком и Владиславом.

Что касается темпераментов действующих лиц, то Слон был флегматиком. Он никогда не выходил из себя, не налетал, не скакал, не прыгал. Он ступал – основательно, уверенно, спокойно. Редко когда выпаливал или бросал поспешно. Нет, он – изрекал. Спокойно, краеугольно, глубоко. Туловище и голову тоже имел соответствующие – большие, покойные, широкие. За что и получил надежно к нему приклеившуюся кличку Слон.

Радька, в противовес, являлся явным сангвиником. Сангвиник – веселый, лучистый темперамент, самый приятный для общежития. Как истинный представитель беззаботного племени, Радик веселил окружающих, фонтанировал, ни над чем долго не задумывался, ни о чем не грустил. Тройка на экзамене? Ерунда, бывает. Снимут стипендию? Ничего, подработаем. Распределение светит в провинцию? Подумаешь, проблема, там тоже люди живут, да еще порой веселее и сытнее, чем в Москве: грибы, охота, надворные хозяйства. Внешность его была под стать характеру: золотистые, как бы сияющие волосы, веселые глаза и вечная полуулыбка на устах.

Наконец, сам Владик, когда прочитал об учении Гиппократов о четырех типах темперамента, отнес себя к меланхоликам – и, по всей видимости, не ошибся. Улыбался он редко, беспричинно веселился – тоже. Случалось, и не раз, что над его шуточками покатывались друзья по комнате, или соседи по бараку, или даже целая аудитория – однако, к примеру, самозабвенно ржать, как ржал Радька, – такого никто и не припомнит. И еще в традициях Владика было долго

размышлять над своим поведением, над тем, как относятся к нему и действуют другие, как вести себя в будущем, что говорить и что делать. Возможно, потому Владислав производил впечатление парня медлительного, слегка даже заторможенного. Радька, который за словом в карман не лез, нередко кричал на него – и на целине, и на других шабашках: «Ну, что ты, Владя, ходишь, как в сметане?!» – чем товарища, разумеется, обижал.

Внешности Владика немного не хватало лучезарности Радьки и основательности Слона. Роста он был невысокого, чуть меньше обоих своих друзей. Зато – крепкий и мускулистый, и лицом своим, с необыкновенно правильными чертами, он походил на французского киноартиста Жерара Филиппа.

...И вот эти трое студентов – Вилен, Владик и Радий – стоят вместе с другими маевцами, построеными в каре, на площади перед светленьким двухэтажным зданием вокзала города Бийск, в компании других студюзов из института, и командир их отряда втолковывает в очередной раз и без того очевидные вещи. К примеру: на протяжении пути следования по железной дороге в город-герой Москву спиртные напитки не распивать, на перроны без разрешения с поезда не сходить, с подножек не свисать и тем более не прыгать с них и на них.

Наконец, командир их отпускает и идет узнавать у дежурного по вокзалу, когда подадут положенный студентам состав.

И вот тут-то происходит встреча, которая определит, как позже выяснится, судьбы всех пятерых молодых людей: трех парней и двух девчонок.

Но сперва Владик задумчиво произносит, ничего вроде бы не предлагая и ни к кому в особенности не адресуясь:

– Когда мне говорят, что ни в коем случае не следует распивать спиртные напитки, мне всегда начинает чрезвычайно хотеться их распить.

– Идея неплохая. И деньги имеются, – поддерживает Слон.

– В магазин? – задает Радька вопрос, уже ставший, в контексте данного разговора, риторическим. И сам же командует, простирая руку: – Да, товарищи, в магазин!

– Пойдемте все вместе, – замечает Владик, – выбрать сможем.

– Да что там выбирать! – с некоторой даже непривычной для него горячностью бросает Вилен. – «Беленькая» или «Три топора».

Друзья просят сокурсников покараулить их баулы и все втроем деятельно направляются в сторону торговой точки.

На другом конце привокзальной площади они видят еще одну большую группу целинников – преимущественно женского пола. Слон, возглавляющий шествие – он всегда главенствует среди друзей, коль скоро речь заходит о вопросах практических, – делает крюк. Маневр оказывается без слов понятен обоим спутникам: ясное дело, товарищ хочет пройти подле женского отряда. «Умно», – замечает про себя Владик.

Мимо большой группы девчонок Кудимов следует, не повернув головы и даже не замедлив шага – и понятно почему: ровным счетом ни одной гражданки, достойной внимания, среди них не оказывается. А вот подле двух наособицу стоящих дев Слон притормаживает, широко улыбается им и бросает:

– Здорово, девчата! Тоже с целины возвращаетесь?

Владик не может не отдать должное той легкости, с которой его друг завязывает разговор с совершенно незнакомыми девушками. У него самого так не получается. Ему все время хочется для первого слова придумать реплику поостроумней, повитиеватей – чтобы девчонка сразу поняла, с каким незаурядным парнем ей предстоит иметь дело. Но обычно, покуда Владислав измышляет слова для знакомства, а потом решается, наконец, их произнести – понравившаяся барышня или исчезает, или отходит на недоступное расстояние, или, что самое обидное, ее уводит другой, более незатейливый и смелый парень.

А у Слона никаких завитушек – атакует просто, скромно и не без выкрутасов. Зато его методы – действуют!

И объект для атаки старший товарищ выбрал что надо: одна из двух, та, что светленькая, – настоящая красавица. Вся лучистая, и глазки сверкают. И фигурка очень красивая, соразмерная: ножки, плечи, грудь. Другая девушка тоже хороша, но в другом стиле: черненькая и длинноногая, словно

легкоатлетка. Может, по внешности она первой и уступает, зато в ней чувствуются – Владик на минуту задумался над определением – внутренняя сила и глубина. И девушка эта (как показалось ему) именно на него глянула со значением!

Так они и познакомились. Светленькую красавицу звали Жанной. Вторую – черненькую – кликали Галиной. Обе тоже были московскими студентками, учились в педагогическом и – да, Слон угадал – тоже возвращались с целины.

Тут репродуктор, висевший над вокзалом, прервал вдруг на полуслове свою разливисто-широченную песню и сказал голосом Левитана: «Внимание, товарищи! Внимание!»

Владик с раннего детства не мог терпеть неожиданных объявлений из репродуктора, тем более тех, которые делал Левитан. У него засел в памяти этот черный раструб на улице, и слезы матери, и ее крик: «Владик, война началась!»

Однако сейчас голос диктора звучал иначе. Слышалась в нем не суровость и безнадега, а, напротив, радость и затаенное торжество.

– Работают все радиостанции Советского Союза! Сообщение ТАСС.

Все затихли, и тогда в репродукторе прозвучала довольно пустопорожняя преамбула – однако она словно бы подготавливала слушателей к чему-то невыразимо прекрасному, но пока непонятно в точности к чему:

– В течение ряда лет в Советском Союзе ведутся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по созданию искусственных спутников Земли. Как уже сообщалось в печати, первые пуски спутников в СССР были намечены к осуществлению в соответствии с программой научных исследований Международного геофизического года.

Парни переглянулись. На их лицах блуждали улыбки. Они, кажется, уже догадывались, к чему дело клонится. А Левитан продолжал:

– В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный

спутник Земли. 4 октября 1957 года в СССР, – голос диктора возвысился до ликующих высот, – произведен успешный запуск первого спутника. По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около восьми тысяч метров в секунду. В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца при помощи простейших оптических инструментов (биноклей, подзорных труб и так далее)!

И уж тут-то ребята грянули:

– Урра! Урра!

Бросились обниматься – между собой, естественно. Не было принято тогда обниматься, даже дружески, с девушками, особенно незнакомыми. Когда мальчишки отобнимались сами, тогда с чувством, но сдержанно, по-товарищески пожали Жанне и Гале руки, а Слон – тот даже (вроде бы тоже по-товарищески) потрепал Жанну по плечу.

Никто из них, конечно, не знал и даже предположить был не в состоянии, что вчера ночью они как раз здесь, в городе Бийске, могли бы наблюдать на небе след от той самой ракеты, что запустила спутник: трасса ее полета проходила в точности над городом. Однако никто тогда не ведал – кроме крайне ограниченного круга лиц, допущенных к совершенно секретным сведениям, – откуда в ту ночь наш первый спутник отправился в полет. Лишь много позже, годы спустя, объявят в газетах и по радио, что ракеты в Советском Союзе запускаются с космодрома Байконур. В пятьдесят седьмом году никто еще не слышал этого названия – как не употреблял никто в обыденной жизни, а не в научной фантастике, термина «космодром». Да и само это имя, Байконур, выберут много позже, и тоже для вящей таинственности, чтобы запутать вероятного противника. На самом деле город с таким названием находился в тех примерно краях, что полигон, однако в сотнях километров от реального космодрома.

А то место, что впоследствии стало зваться космодромом, тогда, в пятьдесят седьмом, немногие посвященные называли «полигоном», а еще – ТП, то есть технической позицией. Или объектом «Заря». А официально, формально это место называлось так: НИИП-5 (Научно-исследовательский испытательный полигон № 5) Министерства обороны СССР. И ближайшим городом (а точнее, полустанком) к полигону был никакой не Байконур, а железнодорожная станция

под названием Тюратам. Полустанок, а вокруг – голая пустыня на сотни километров, бараки, вагончики, палатки и стартовые позиции. Потому молодые инженеры, прибористы, строители, ракетчики, офицеры, получавшие туда назначение, переименовали название полигона в «тюрьма – там».

Все эти имена и байки нашим героям еще только предстоит узнать. А пока не станем забегать вперед – пусть они веселятся, обнимаются и жмут друг другу руки по случаю первого шага человека в космос.

– А я и не сомневался, что первый спутник будет нашим, советским, – с важностью заявил во всеуслышание Владик.

– Эх, скоро человек полетит! – воскликнул Радька.

– Вы-то откуда знаете, что скоро? – с лукавой усмешечкой осведомилась у красавчика Галя.

– Уж мы-то, можете поверить, знаем, – с вящей таинственностью проговорил тот.

– Знаете – откуда? – ожидаемо спросила Галка.

Радий готов был рассказать, ради обеих этих милых девушек, и про стратосферный кружок, и про тему их общей курсовой – в конце концов, она, эта тема, не являлась закрытой. Однако самый разумный и осмотрительный из них, Слон, сделал в сторону товарища предостерегающий жест:

– Не надо. Не надо выдавать лишнюю информацию.

Радий картинно прикрыл рот рукой.

Так получалось даже эффектней. Девушки обожают всякие тайны, жить не могут без интриги.

– Да, мы близки к определенным кругам, – включился в игру Владька. – Очень близки.

– Может, мы сами первыми туда, где витает наш спутник, отправимся. Туда, выше стратосферы, – нагнетал пафос Радий.

– Как же, как же, – засмеялась Галя.

– Не верите?

– Разумеется, нет!

– А вот увидите. Давайте встретимся через год, и вы все про нас узнаете.

– Зачем через год? – перебил друга Владислав. – Мы прямо сейчас вам можем рассказать.

И только Слон и Жанна не принимали участия в юношеском бахвальстве и зубоскальстве. Ментально они оба были старше своих друзей и сейчас отдали им площадку, отодвинулись на задний план, и если и говорили друг с другом, то только взглядами. А глаза их сказали, что каждый из них заметил другого и оценивает его по достоинству.

– Откуда вы знаете, может, в космическое пространство как раз полетим мы! – воскликнула Галя. – Мы, вдвоем с Жанной! Правда, Жанка?

– Запросто!

– Ха-ха! – заметил Владик. – Девчонок в космос не берут.

– У нас в стране, между прочим, равноправие полов.

– Но все равно – заметьте, даже в СССР летчики и капитаны дальнего плавания сплошь мужчины. Отдельные единицы только подтверждают практику. И академики принадлежат к сильному полу тоже, как правило.

– Мария Кюри, к примеру.

– А она не наша. И не академик.

Но тут ритуальный танец знакомства был грубым образом прерван. Над площадью раздался крик:

- Отряд пединститута! По вагонам!

- Нам пора идти, - молвила Галя.

- Мы еще и не познакомились толком, - обескураженно проговорил Владик.

- Встретимся в стратосфере, - лукаво заметила Галя.

- Нет, - твердо мотнул головой Владька. - Дайте ваш телефончик.

- Лучше вы. Я сама вам позвоню.

Это был важный вопрос. Телефон являлся водоразделом, по которому парень-москвич отделялся от провинциала. Далеко не у всех, но примерно у трети москвичей, самых обеспеченных, аппарат дома имелся. У иногородних его, разумеется, не было. Как не имелось у самих Гали с Жанной.

- У меня нет телефона, - не стал лукавить парень.

- Ну, вот! - насмешливо проговорила девушка. - А еще покоритель межпланетных глубин! - Слово «космонавт» тогда еще совершенно не применялось.

- Как мне вас найти?! - продолжал настаивать Владик совсем нешуточно.

Парни - все трое! - совсем неплохи, подобными бросаться не надо. В этом Галя не сомневалась, потому и назвала авиационщику адрес своего общежития. Жалко ей, что ли, - все равно, пока мальчишки доедут до Москвы, их закрутят иные впечатления и новые заботы, и они сто раз думать забудут о случайном знакомстве на станции Бийск! Но все-таки - остается надежда и сохраняется хоть мизерный, но шанс, что они встретятся.

Девочки взяли свои котомки и чемоданы и примкнули к другим своим товаркам. Длинный хвост из студенток потянулся на перрон.

В отличие от Владика, который лобовым ударом выпрашивал координаты девчонок, Слон проявил настойчивость совсем иного рода.

Для начала он увлек Радика и начал ему что-то нашептывать, в результате чего тот в полный голос сказал:

– Да, хорошо, я тебя прикрою!

Слон шикнул на него и быстро зашагал в сторону перрона, куда уже был подан паровоз, собирающийся увозить в Москву студенток из педагогического.

Не чураясь даже пробежки, самый солидный студент из всей троицы достиг паровоза, который пыхал своими белыми усами, клубился серым паром, пугал красными колесами. У кабины машинистов Слон лихо свистнул в четыре пальца. Оттуда свесил голову парнишка не больно его старше – помощник машиниста, видать.

– Чего шумишь? – с сознанием собственного достоинства спросил тот.

– Скажи: какая у вас следующая большая остановка будет?

– А тебе на что?

– Если честно: очень надо, позарез, по личному делу. С меня причитается.

– Ну, раз позарез – через Барнаул мы едем. Через три часа там будем.

– Спасибо, друг!

Жанна с Галей тем временем погрузились в вагон, а Владислав с Радькой доводили до логического завершения свое намерение закупить горячительные напитки. Тем более и причина появилась – да какая! – отметить первый в мире запуск искусственного небесного тела в мировое пространство!

А студентки обживали негостеприимное пространство плацкартного вагона. Больше полсотни человек под одной крышей. Шестеро девчонок в

импровизированном купе с жесткими полками. Впрочем, слава богу, теперь следовали они плацкартой – сюда, на целину, их везли в самых настоящих теплушках. Как в войну: в товарняках, приспособленных под перевозку граждан: с деревянными полатами в три яруса по периметру вагона, матрацами, набитыми сеном, и ведром в качестве отхожего места. Ехали они в Бийск долго, больше недели, с многочасовыми стоянками среди лесов, степей или на безымянном полустанке. Время студентов ничего не стоило, и рабочие их руки, по большому счету, вряд ли сильно были нужны. Недаром лет через пятьдесят появится версия (впрочем, документально до сих пор не подтвержденная), что освоение целины в середине пятидесятых понадобилось советскому руководству как операция прикрытия для строительства того самого космодрома в Байконуре – секретного военного полигона НИИП-5. Дескать, когда американские самолеты-шпионы будут фиксировать активную переброску эшелонов на наших южных границах, то станут думать, что русские свое сельское хозяйство развивают, а не сверхсекретный ракетно-ядерный объект возводят.

Идея, что запуск в мировое пространство искусственного тела надо отметить, видимо, витала в воздухе. Или, возможно, передалась от будущих авиационщиков к педагогам воздушно-капельным путем. Жанна вызвалась в экспедицию в вагон-ресторан. Сдуру пошла одна.

Она миновала тамбур, скрежещущую сцепку, и уже в следующем вагоне милые и привычные ей студенческие личики окончились. Начались чужие – темные, опаленные степью и солнцем лица. Грубые руки, надвинутые на глаза кепки или косынки до бровей. Или пестрые халаты, тубетейки, кирзовые сапоги. Кто-то цокнул языком – явно в ее адрес. Кто-то гортанно сказал что-то на незнакомом языке, но явно сальное или обидное. Потому что все вокруг рассмеялись. Жанна стала понимать, что она, видимо, зря отправилась в эту экспедицию самостоятельно. И тут один из баев, заполнивших соседний вагон, перешел к оскорблению действием: когда она проходила мимо, звонко шлепнул ее по попе. Хохот в вагоне принял и вовсе гомерический размах. Ржал сам обидчик в пиджаке и сапогах. Ржали его спутники. Смеялись вертлявые подростки. Хихикали женщины и дети. И посреди всей этой ликующей плацкартной гопоты стояла Жанна, и на глаза ее наворачивались слезы. И вдруг... Как с небес, словно каким-то чудом рядом с ней материализовался защитник. Герой. Рыцарь. В этой Вселенной он принял облик парня с привокзальной площади – а именно Вилена. Вилен, не рассусоливая долго, громадными своими ручищами схватил за лацканы пиджака ее обидчика. Тот начал восклицать вроде бы предостерегающе, а на самом деле испуганно: «Э! Э! Э, ты! Э!» Но студент, не

обращая внимания, приподнял его с лавки и слегка встряхнул, а потом проговорил угрожающе:

- А ну-ка, давай, извинись перед девушкой - быстро!

- Да, а я что, - обрадованный тем, что хватка Слона слегка разжалась, зачистил парень, - чего я ей сделал-то? Ниче и не сделал!

- Извиняйся, живо! - левая рука Слона плотно схватила горло паскудника и слегка прижала. Тот стал растерянно озираться - однако ни один из тех, кто только что от души ржал над его «удачной» шуткой, не торопился прийти ему на помощь - все болельщики приняли отстраненный и скучающий вид. Отводили глаза. Жанна во все глаза рассматривала шутника - как новый и неизвестный науке вид доисторического животного. Как вредное насекомое, которому суждено вымереть по мере продвижения страны, а потом и всего человечества, к коммунизму.

- Ну, ладно, чего там, извини уж, пожалуй, - жалостливо протянул парень, вовсе не глядя на Жанну.

- Простишь его? - спросил у Жанны Слон - такой некрасивый, плечистый, рукастый - но такой верный и сильный.

- Прощу, чего уж там, - великодушно молвила девушка.

- Смотри у меня! - Вилен покровительственно пошлепал шутника по щеке.

Потом, с совершенно другим настроением, следом за своим спасителем, Жанна все-таки дошагала до вагона-ресторана. Там они купили бутылку портвейна и вернулись в плацкартный вагон педагогов. И имели большой успех. И выпили вместе со всеми по глотку, а потом вдвоем смылись от компашки и долго стояли в тамбуре у окна.

Вилен курил папиросы - тогда еще никто даже не думал бороться против курения, и курили все, и любой главный положительный герой в кино и книгах затягивался полной грудью, когда попадал в сложное положение. Они разговаривали, Вилен рассказывал о себе: секретный военный гарнизон в

Сибири, отец – летчик. И его собственная мечта о небе, которая, когда не взяли в летное училище, привела в авиационный.

Он взял Жанну за руку. Приличная девушка не должна позволять, чтобы молодой человек брал ее за руку на первом свидании – но он ради нее уже совершил два подвига: впрыгнул в чужой поезд и утихомирил подонка. Поэтому она не стала манерничать и разрешила. А за окном тянулись поля и степи, и время от времени в тамбур приходил кто-нибудь из девчонок: вроде бы покурить, а на самом деле взглянуть на ухажера, которым вдруг, ни с того ни с сего, обзавелась Жанка.

А на прощание, через три часа, когда он выскакивал в Барнауле, она совершила еще один поступок против правил – позволила себя поцеловать, что было, конечно, совершенно возмутительно на столь раннем этапе развития отношений. Но, отчаянно возражала она мысленным оппонентам, у нас ведь совершенно необычное первое свидание! Он – рыцарь, и он получил, как положено рыцарю, приз, награду!

Глава вторая

У Вилена Кудимова (Слона) был абсолютно секретный, даже от ближайших друзей, блокнотик, в который он заносил свои задачи, планы и достижения. Там имелся также специальный раздел, посвященный женщинам.

Каждую из своих знакомиц Вилен после первой же встречи ранжировал по трем параметрам, которые обозначал тремя заглавными начальными буквами: «Л», «Ж» или «П». Первая, «Л», означала «любовь». «Ж» – соответственно, «женитьба». И, так как в те годы в стране совершенно не было секса – в том смысле, что слово «секс» не применялось для обозначения интимных отношений между мужчиной женщиной, для указания оных использовали эвфемизмы. Кудимов, к примеру, применял в своей практике слово «постель», или «П». Хотя, если быть до конца честным, имевшийся у него пока небольшой опыт по этой части он получил отнюдь не в постели. Однажды «это» происходило в лесу, в туристской палатке. Второй раз случилось в деревне на классическом сеновале. Вот и вся постель. Но все же она выгодно его выделяла на фоне очевидных девственников-сокурсников. И как каждый солдат носит в своем рюкзаке

маршальский жезл, так и всякий парень двадцати с небольшим лет любую встреченную женщину прежде всего рассматривает с плотской точки зрения. И прикидывает, насколько велики шансы в упомянутую постель ее затащить.

Сама физиология делала ранг «П» для любого самца наиважнейшим. Однако Вилен был, в отличие от, скажем, павиана или шимпанзе, человеком разумным, к тому же будущим инженером. Поэтому он оценивал девушек далеко не только через призму «П»: постели, похоти или, если хотите, позы. Нет, всякая заслуживающая внимания особь удостоивалась отметки по каждому из трех направлений, в зависимости от перспективности: насколько легко (или тяжело), нужно (или не нужно) достичь с нею упомянутого, а именно: «Л» – возвышенной любви, «П» – убления плоти в постели или «Ж» – счастья в законном браке. Вот и теперь ранжирования удостоились от руки Вилена не только Жанна, с которой он провел три часа в пути и сумел сорвать поцелуй, но и ее подружка Галя – хотя той он едва два слова сказал.

Молодой человек сошел на станции Барнаул с поезда, везшего девушек, и еще пару часов слонялся по перрону, прежде чем припыхтел товарняк, доставлявший в столицу маишников. Слава богу, руководители отряда не стали перед погрузкой устраивать еще одно построение и снова пересчитывать студентов – а в поезде, когда Слона хватились, Радька и Владик сумели его прикрыть: «В другой вагон сел». А ведь они почти не врали, он и вправду был в другом вагоне – только, к тому же, и в другом составе.

Вилену удалось смешаться на станции Барнаул с толпой высыпавших из вагонов студюзов и вместе с ними проникнуть в свой собственный поезд. В отличие от девушек-педагогинь, следовавших в Белокаменную в относительном комфорте плацкартного вагона, маевцам снова подали теплушки. Они и рады стараться: расчехлили лозунги, оставшиеся с дороги туда, развесили их по бокам вагонов, только в транспарантах «Даешь целину!» – по-пижонски заменили слово «даешь» гордым «взяли».

Вилен отыскал свое место, тепло поприветствовал Радьку и Владика. Они, разумеется, не упустили шанса поехидничать:

– О, гусар вернулся!

– Как твой железнодорожный роман, Слонище?

Но зависти в словах друзей звучало больше, чем едкости. Лучшим ответом в подобном случае является молчание – за ним может скрываться все, что угодно. Вилен промолчал.

Он залез на верхние нары и улегся на набитый сеном мешок, руки под голову. Но не мечтать о Жанне он принялся. Кудимов был человек определенный и цельный – не верхогляд и фанфарон, как Радик, и не мечтатель Иноземцев. Потому он достал из кармана свой заветный блокнотик и проранжировал Жанну, с которой только что распрощался. По шкале «П» он поставил ей пять (по пятибалльной системе) – раз уж в ходе первого свидания сумел урвать поцелуй (да и чувствовал в девушке большой в этом смысле потенциал).

«Л» – то есть «любовь» – Кудимов обычно оценивал не в том смысле, насколько девчонке понравятся его ухаживания. Цветы, кино, конфеты, театры – какой, интересно, особе они могут НЕ понравиться? Нет, вопрос заключался в том, насколько ему самому будет интересно шататься с нею под ручку по паркам и сидеть в кино? И здесь он вывел Жанне твердую тройку. А потом подумал и переправил на четверочку с минусом. Если в ходе свидания с ней он окажется вознагражден – ну, в смысле «П», то есть постели, – тогда почему бы и не поухаживать?

Однако следовало еще подумать, надо ли ему вообще связываться с Жанной. Потому что в ней имелся всего один, зато серьезнейший и очевидный изъян: она была немосквичкой. Именно поэтому в графе «Ж», где Слон оценивал перспективы собственной женитьбы на той или иной красавице, он поставил девушке жирный кол. А мог вывести и ноль, и был бы прав. Потому что он уже далеко не романтик. И учится не на первом, втором и даже не на третьем курсе. И впереди маячит распределение. И главный способ добиться приемлемого назначения – в Москву или хотя бы в Подмоскovie – сочетаться законным браком со столичной штучкой. На начальных курсах он еще мог себе позволить закрутить роман с девушкой из общежития. Но теперь, когда диплом катит в глаза, – надо ли время терять? Очень и очень следует над этим подумать.

Вилен, заодно уж, и второй девушке, Гале, – брюнетке, показавшейся ему твердой, своеобразной и мужественной, – оценки поставил просто из интереса и чтобы ей обидно не было. Насчет возможной «П» она получила твердую тройку. Женитьба на ней тоже никакими премиальными не светила (единица), а вот закрутить с ней любовь по правилам, с ухаживаниями и букетами, ему почему-то вдруг показалось интересным. Отчего-то представилось приятным пройтись с

Галей по бульвару, по парку, поговорить о том о сем. Отчего-то показалось, что ему с ней будет интересно. Он и поставил ей в рубрике «Л» четыре с плюсом – ну, или пятерку с минусом, что, как считал, одно и то же.

Вилен, конечно, не знал и знать не мог, что в другом поезде, идущем тем же маршрутом – на Тюмень – Челябинск – Москву, – девчонки, которых он только что вписывал в клетки своей заветной таблицы, говорят о нем.

– Да что ты, Галка! – с жаром убеждала подругу Жанна. – Нисколько я в него не влюбилась, и не нравится он мне совсем! Просто он, этот парень, Вилен, он ведь меня в каком-то смысле спас, так ведь? Он, как рыцарь, подвиг совершил во славу прекрасной дамы, да? А дама – это в данной ситуации я. И сеньора должна же своего рыцаря вознаградить – перчатку там подарить с руки или цветов. Ну, у меня перчатки или цветка для него как-то не случилось – пришлось пожаловать ему поцелуй.

– И как он целуется?

– Брось, Галка! Какая разница, как он целуется? Я никогда больше, слышишь, никогда не собираюсь с ним целоваться. Еще чего! Да мы и не встретимся с ним больше ни разу. Никогда в жизни!

– Ох-хо-хо, Жанка, зарекалася бабка во двор не ходить!

* * *

Пользуясь авторской волей наподобие демиурга посещать, по собственному произволу, своих героев и подмечать в них легкие, порой едва уловимые движения души и мысли, перенесемся теперь к другому пассажиру товарняка Бийск – Москва. И с интересом отметим, что в тот же самый момент еще один человек думал о девушках, что уносились впереди них в плацкартном вагоне по направлению к столице. Владик устроился на нижних нарах, завернулся в собственную телогрейку и погрузился в блаженную дрему: испытания и тяжелая работа позади, впереди его ждет ставшая привычной Москва, и можно помечтать. Например, о будущей работе: большой светлый конструкторский зал, он в белом халате, пиджаке с галстуком... И вот он говорит, а все его внимательно слушают: «Компоновка изделия номер пять меня не удовлетворяет,

надо еще поработать, товарищи»... И тут же почему-то находятся две девчонки со станции Бийск, Жанна и Галя, они тоже в строгих белых халатах и заглядывают ему в рот... А потом выясняется, что изделие, о котором он говорит, это тот самый спутник, про который сегодня сообщали по радио, и он нарисован на чертеже, прикреплённом на кульмане: острая ракета, забавные крылышки. А чертеж вдруг становится из черно-белого цветным, красненьким, вспархивает с ватмана и взлетает под самый потолок огромного зала, и все начинают аплодировать, и девушки, Жанна и Галя, обе бросаются и наперебой целуют его... Он спит и понимает, что спит и ему это снится...

Владислав отчасти воспринимал жизнь словно последовательность испытаний – разной природы и различной степени сложности, – через которые требовалось пройти. По мере того как он их проходил, судьба расплачивалась с ним различными наградами – а если он жизненный экзамен вдруг, к примеру, заваливал, выдумывала ему наказание. Так было с поступлением в институт – он выдержал проверку на «хорошо» и «отлично», а в качестве приза получил столичный вуз и всю Москву вместе с ее театрами, библиотеками, девушками и другими искусствами. Так и теперь – он выдержал два месяца физической работы на целине, и ни ему самому, ни тем более его товарищам не в чем упрекнуть его. Он даже заработал немного денег (вот и приз!), но, главное, с чувством исполненного долга может теперь отсыпаться на нижних нарах товарняка Бийск – Москва. Ну, и не только отсыпаться, но и мечтать, конечно. О новых поверках судьбы (если выражаться высоким штилем), которые ему еще предстоят впереди и через которые он с честью пройдет. И сейчас его манила мечта о чистом, красивом конструкторском бюро, в котором он – в компании таких же, как он, парней и мужчин, увлеченных своим делом, – будет проектировать или конструировать что-то Очень Важное – новый сверхзвуковой самолет, например, или ракету. И даже не имело особого значения, где будет находиться это чистое, красивое конструкторское бюро: в Москве, а может быть, в Академгородке в Сибири или в секретном военном городке. В столице, конечно, предпочтительней – но решающего значения место его будущей прописки не имело. Как не играл даже особой роли вопрос, сколько – то есть какую зарплату он будет получать за свой труд. У всех молодых инженеров, проектантов или конструкторов, ракеты они делают или мясорубки, заработок после окончания вуза был примерно одинаковый – около тысячи рублей[1 - Здесь и далее цены указаны до деноминации 1961 года.]. Конечно, те, кто занимается ракетами или самолетами, вестимо, имеют – в отличие от проектантов мясорубок – надбавки: за вредность, секретность и прочее. А если надеть погоны, то оклад еще как минимум в два раза увеличится! Но, видит бог, совсем не деньги все определяли. Просто не хотел Владислав проектировать мясорубки – хотя

признавал громадное их народнохозяйственное значение.

Его тяга к небу была, правда, исключительно книжной. Он не строил планеры, не занимался в авиамodelьном кружке, не посещал аэроклуб – да и не было в Энске, откуда он родом, ни того, ни другого, ни третьего. Зато Владик знал имена и биографии всех летчиков, спасавших челюскинцев, проштудировал книжку Перельмана «Межпланетные путешествия» и даже пытался читать труды Циолковского. А в вузе пошел в кружок высотных полетов, или стратосферный кружок – так называли, чтобы все и для маскировки не употреблять слово «космос», – секцию, где занимались полетами космическими. И они втроем, с Радькой и Слоном, даже сделали курсовую работу под названием «Основные принципы построения аппарата для пилотируемого заатмосферного полета». Ругались между собой по-страшному, чуть не разбежались навсегда – однако курсовик все-таки доделали, защитили и получили все трое «отлично».

Придумывать, а потом создавать то, чего никогда не было прежде, что-то совершенно новое, казалось для Владика чрезвычайно увлекательным. Новый аппарат! Да еще для космоса! Это вам не мясорубка!

И теперь Владик возвращался в Москву в предвкушении. Аж под ложечкой подсасывало. Слово он свидание с девушкой предвкушал. Однако на сей раз чувство было связано не с девчонкой, а с будущим делом. С работой.

* * *

И предчувствия его не обманули.

Едва они приехали, снова заселились в свою мансарду и появились в институте, у доски расписания и приказов их нашла секретарша из деканата.

– Рыжов! Иноземцев! – крикнула она недовольным тоном. – Срочно в деканат! Для вас там телефонограмма пришла!

Телефонограмма?! Ни разу в жизни ни Радию, ни Владиславу сроду никто не направлял никаких телефонограмм. Телеграммы – были, родители слали, и порой они, студюозусы, подавали ответы: СДАЛ ФИЗИКУ ОТЛИЧНО ВЫЕЗЖАЮ

КАНИКУЛЫ ДВАДЦАТОГО ВЛАДИСЛАВ. А вот телефонограммы! Телефонограммы были из совсем другой, не студенческой, жизни. Они принадлежали миру кино, книг, миру больших начальников, ученых и специалистов. Никто из парней не знал и не догадывался, что довольно скоро в их повседневный обиход войдут и телефонограммы, и совсем не известные им (как и большинству населения Союза) ВЧ-граммы.

– А мне, Евдокия Серафимовна? – переспросил стоявший рядом Слон. В его голосе прозвучала нотка зависти к товарищам (но и, на всякий случай, обволакивающие интонации по отношению к женщине-секретарю). – Мне что-нибудь прислали?

– А тебе, Кудимов, нет ничего.

Сопровождаемые Евдокией, они, все трое, и Вилен за компанию, отправились в деканат. Телефонограмм оказалось две, по одной на каждого: обе как под копирку написанные, только фамилии получателей разные и время... Для Владислава: «Владиславу Иноземцеву явиться на кафедру завтра, одиннадцатого октября, в 15:00». Для Радия – все то же самое, только время значилось другое: 15:30.

– А кто передал? И зачем явиться? Для чего? – наперебой забросали они секретаршу вопросами. Несмотря на полное непонимание – а зачем их, собственно, вызывают, – и Радька, и Владик почувствовали воодушевление. Из-за гадости телефонограмму посылать не будут. В случае какой-то бузы присылают обычно повестку.

Слон тоже стоял тут, рядом, и старательно делал вид, что ему все равно.

– Не знаю я ничего, мальчики, – выполнив поручение, Серафимовна помягчала.

– Но кто телефонограммы прислал, вы сказать можете?! – воскликнул Владик.

Секретарша оглянулась вокруг, придвинулась к парням и понизила голос:

– Прислали из какого-то почтового ящика. Подмосковного, – а потом откинулась на стуле и, показывая, что она и без того слишком многое позволила

мальчишкам, проговорила тоном выше, хотя и раньше никто, видит бог, не собирался их подслушивать: – А теперь все, идите, не мешайте работать!

Надо ли говорить, что парни немедленно начали строить различные предположения, в уме и вслух: с чем связан вызов. Во всеуслышание, правда, они, старательно избегавшие в жизни пафоса, отдавали предпочтение различным юмористическим вариантам, среди которых было:

– их посылают в повторную срочную командировку на целину в связи с недогрузом полуторки бортовой номер 30-77;

– нет, им официально предложит руку и сердце известная мымра, доцент кафедры марксизма-ленинизма Клара Величко;

– нет, их запустят на следующем спутнике в роли подопытной собачки – нет, домашней свинки! Нет, белой лабораторной мыши!

Так они и развлекались, возвращаясь из института вдвоем – Радий и Владька. Разом помрачневшему Вилену вдруг зачем-то понадобилось в библиотеку. Он их покинул. Парни подозревали, что тот попросту расстроен и не хочет видеть друзей, перед которыми вдруг открылась перспектива, наполовину распахнулась некая дверь, а перед ним – нет.

Друзья поехали на метро, потом на автобусе. Что поделаешь: новый корпус общежития еще только строили. Друзья снимали на троих, как они называли (с легкой руки Владика), мансарду. А именно: в частном доме, неподалеку от вуза, в Тушине, арендовали у хозяев второй этаж, на самом деле то был чердак, лишь минимально утепленный. Комнату нашел Вилен, он же условился о цене – сперва платили триста рублей в месяц, для троих более чем приемлемо. А в какой-то момент, после второго курса, тот же Вилен, неутомимый организатор, вместо денежного вознаграждения договорился с хозяевами о гешефте, а подбил на него Владика.

Идея заключалась в следующем: сдать за хозяйского сына вступительные экзамены в институт, не в такой сложный, как МАИ, – а в строительный. Экзамены ведь те же: математика, физика, химия, русский, английский. За успешную сдачу – Вилен условился – они до самого конца института смогут проживать в комнатухе бесплатно! Сам он не брался – ни физику с математикой,

ни русский не знал он настолько, чтобы уверенно пойти и чужие вступительные скинуть. Он и свои собственные еле-еле на четверки натянул. Вот и уговаривал Владислава. Тот отказывался – не привык ловчить и обманывать. Но Вилен убеждал: «Это и не обман вовсе, если человек способный, он и сам бы поступил, мы его просто страхуем. А если тупой – его все равно выгонят!»

Владик отмахивался, говорил: вон, лучше Радьку возьми, он тоже в школе хорошо учился, с золотой медалью окончил! А Слон отвечал: Радий – он приметный, весь аж светится, как имя его, да и не похож он на Павла (хозяйского сына). В конце концов Владька сдался, пошел и по чужому паспорту спихнул все пять вступительных на «хор» и «отл», так что сын хозяев стремительно в свой строительный влетел. И, кстати говоря, до сих пор из него не вылетел. Поэтому их ловкое трюкачество, можно считать, никому не навредило. Зато друзья – хозяин не обманул! – за свой чердак больше не платили.

Зимой, правда, там холодновато было. Особенно если хозяева куда-то уезжали и печь у себя внизу не топили. Тогда к утру на чердаке даже вода в рукомойнике замерзала.

Умывались, да, из него, из рукомойника. Зато летом плескались на улице, у березки. Ну, и в удобства, вне зависимости от сезона, бегали во двор.

Первое время это Владика тяготило. Он, как-никак, – единственный из всей компании! – в отдельной квартире у себя в городе проживал. Правда, ванной у него, как и у всех, не было, грели воду, мылись в кухне в тазах. Ну, и в баню ходили. Зато водопровод и ватерклозет у Владислава дома в Энске имелись. А Радьке и Вилену к спартанским условиям было не привыкать. Радик родом из села. Какие там в избах удобства! А Вилен по гарнизонам с отцом мотался и тоже проживал далеко не в хоромах. Да что говорить! Девяносто процентов страны мыться ходило в баню, а по нужде – до ветру. Таких буржуев, как Владик, по пальцам руки посчитать, только в Москве и Ленинграде. Ну, может, еще в Киеве и других столицах союзных республик.

А Владьку угораздило: поселиться в самой Москве, но привыкать к спартанским условиям. Но ничего, притерся к пятому курсу.

Ему мансарда, в которой они проживали, нравилась. Нравилась скошенная крыша и большое окно в ней. Кровать с металлическими шарами и продавленной панцирной сеткой – на ней было удобно качаться, размышляя. Или убаюкивать себя перед сном. Такие же лежанки имелись у Радика и у Слона. Однако у койки Владислава имелось выгодное преимущество, которым он весьма дорожил: на нее очень удачно из косого окна падал свет – было удобно читать и заниматься.

Кроме трех кроватей, в комнате помещался рабочий стол. И кульман они на первом же курсе купили, скинулись, взгромоздили на чердак – для черчения, «начерталки», а потом и курсовых. Еще имелась самодельная этажерка, которую Радик с Владиславом смастерили для книг (Слон для нее доски раздобыл – купил у сторожа на стройке за бутылку). К концу учебы из литературы, которую покупал в основном Владик (или ему дарили), на этажерке выросла неплохая библиотечка – в том числе его любимая желтоватая книга Ильфа и Петрова издания сорок восьмого года. Когда на чердак забирались гости – и даже проверенные, и даже девочки, – он прятал ее под матрас, чтобы не было искушений. А то еще выпросят почитать, а после затеряют: и книжку потеряешь, и, возможно, друга.

В жилище Владика устраивало практически все – даже приставная лестница, по которой требовалось карабкаться к ним на второй этаж, как обезьянам или матросам. И когда им на третьем курсе предложили переселиться, наконец, в общагу, они отказались – тем более платить за комнату уже не требовалось.

...Дома, у хозяев, Владика ждала телеграмма. Телеграмм он не любил, потому что не ждал от них ничего хорошего. Но в этот раз депеша оказалась приятной. Хозяйка показала ему уже распечатанный полуконверт: **ВЫЗЫВАЕТЕСЬ НА ПЕРЕГОВОРЫ 10 ОКТЯБРЯ В 1800**. 1800 – означало восемнадцать ноль-ноль: телеграфисты так экономили количество слов. «От мамы», – улыбнулся Владислав, и наплевать ему было, что хозяйка свой нос в сообщение сунула. Она еще и сама принялась объяснять свою нескромность, хотя ее никто не спрашивал, с обескураживающей прямоотой: «Я ж должна знать, вдруг что-то срочное для тебя прислали».

Время уже подходило к шести, и молодой человек стремглав бросился на почту.

Сколько ни бывал на переговорных пунктах Владик – и в Москве, и в родном городе, и даже на целине, – вечно в них было жарко. И топили слишком сильно, и много людей дышали. И постоянно на этих переговорах столпотворение было.

Кто-то ждал (порой безуспешно) вдруг оборвавшейся связи с пунктом N, кто-то – не пришедшего вовремя на разговор контрагента, а иной загодя приходил, чтоб не пропустить назначенное время. И часто народ в очередях нервничал. Особенно дамочки. Потому и дышали учащенно. Все-таки тревожно: что тебе вдруг скажут из-за тридевяти земель. Да и мысль, что твою беседу подслушивают, вольно или невольно, как минимум человек пять из очереди, не считая двух телефонисток на разных концах провода, спокойствия духа тоже не добавляло. Вот и сейчас, несмотря на первый в этой осени по-настоящему холодный день, на переговорке изнывала от жары очередь человек из десяти: уже в пальто, в ватниках, женщины в большинстве в шерстяных платках. Из одной из кабин доносился надрывной, хорошо поставленный голос дамочки:

– Разве ты не понимаешь, Алексей, что я тебя жду? Очень жду!

Почему-то кабины на переговорных пунктах – специально, что ли? – делались такими, что вечно с трудом закрывались. Во второй будке мужчина судорожно стискивал одной рукой дверь, другой прикрывал трубку (которую держал плечом). В такой страшно неудобной позе он то ли в любви объяснялся – а может, просто докладывал провинциальному начальнику, что тяжело заболел и вынужден взять больничный.

Владик отметил у телефонистки, что пришел, и стал ждать вызова. И довольно скоро, не прошло и получаса, барышня из-за своего прилавка выкрикнула:

– Энск, третья кабина!

Парень бросился туда и через минуту услышал голос матери, и даже перестал обращать внимание, что его могут слушать все эти люди на почте (а уж телефонистка – наверняка). Закричал:

– Мамочка, привет! Что-то случилось?

Все-таки от срочных вызовов на переговоры сердце бывало не на месте – хотя самые неприятные известия все-таки сообщали обычно напрямую, телеграфом.

И сразу потеплело, как услышал звенящий от радости мамин голос:

– Все хорошо, Владик, просто хотела тебе сказать, что мы скоро увидимся!

– Как?!

– Я приезжаю в Москву! Представляешь?! На целый месяц! На курсы повышения квалификации. Жить буду в гостинице.

– Как хорошо! А когда ты едешь?

– После ноябрьских.

– О, замечательно! Повидаемся.

– Да! И сходим в театр. Ты поведешь свою старушку-маму в театр?

– Ну, во-первых, ты совсем не старушка. А во-вторых, с большим удовольствием. Я как раз постараюсь достать хорошие билеты. В местное или непосредственно в кассах.

– А как ты себя там чувствуешь, сынок?

Тут началось обычное мамино занудство: не болеет ли он, как учеба и появилась ли у него девушка. А что вы хотите: Владик у нее единственный сын, растила без мужа, в войну его чудом сберегла – как же за ребенка не волноваться!

Владик на вопросы о здоровье и о девушке отвечал односложно, с трудом скрывая, и от мамы, и от очереди, свое раздражение. Высказался, отчасти работая на публику:

– Ма, да какие там девушки?! Первым делом у нас ты же знаешь что – самолеты. – И, чтобы перевести разговор, спросил: – Как там Аркадий Матвеевич?

Аркадием Матвеевичем звался отчим. Вернее сказать, не отчим, а новый мамин муж. А еще точнее, даже не муж – они не расписывались, а просто, как формулировалось в милицейских протоколах, сожитель. По сути, он был, конечно, маминим мужем. Спали они вместе и теперь, когда Владик в Энске не

жил, даже заняли бывшую его комнату, и ему, когда приезжал домой на каникулы, приходилось дрыхнуть в одном помещении с бабкой. Раньше, когда отчим еще не вернулся из своих мест отдаленных, диспозиция была иная: у Владислава имелась в распоряжении своя собственная, персональная опочивальня (она же кабинет), а мамочка спала в другом покое с бабушкой.

Отчим, как сообщила мама, был здоров и даже устраивался на работу.

– Ну, я рад, – сухо бросил Владик. – А как бабуля?

– Хорошо. Только по тебе скучает.

Бабуля была вторым человеком (после мамы), который его безоговорочно любил. (Любовь остальных, прочих людей ему в ходе жизни следовало завоевывать.) Наверное, бабушка любила Владика даже сильнее, чем мама, – во всяком случае, уж точно безоглядней, чем она. И внук с большой охотой бабкину любовь использовал. И отдавал свое чувство в ответ, конечно. Бабушка была маленькая, сухонькая, чуть сгорбленная, точь-в-точь как рисуют старушек в книжках для детей. Все в бабке было родным, и все молодого человека устраивало – за исключением мелочей, правда: что она крестит его всякий раз при расставании и по утрам и вечерам бормочет свои молитвы, уже почти даже не скрываясь от чужого Аркадия Матвеича.

– А что тебе из дома привезти? – спросила мама. – Может, тебе из книг что нужно?

Мамуля, в силу того что работала библиотекарем, проблем с книжками не имела. Она даже могла один-два особо нужных сыну томика зарегистрировать на себя и привезти ему в столицу – с тем, конечно, что он их не потеряет и обязательно вернет в фонд, когда приедет на родину в каникулы.

– У меня там, дома, остались «Межпланетные путешествия» Перельмана. Если можешь, привези.

– Тебя наш спутник вдохновил перечитать?

– Да, он самый.

* * *

Для похода на кафедру друзья приоделись. Оба, и Владик, и Радька, нацепили галстуки и белые рубашки. Выбор был невелик, у каждого всего-то по паре рубашонок имелось, одна повседневная и вторая – праздничная. Галстуки – два на троих, для специальных и торжественных случаев.

В то время не существовало никаких, ни неписанных, ни, тем паче, писанных правил, согласно которым мужчинам следовало носить галстуки. Дресс-код (да простится нам ультрасовременное словцо в столь замшелом контексте) был достаточно гибким, подвижным, летучим. Многие зависело от внутреннего самоощущения. Конечно, имелись случаи, когда ношение галстуков мужчинами являлось обязательным и даже не обсуждалось. К примеру, на военной кафедре. Или в случае вызова в райком, не говоря уж о горкоме. В остальном допустимы были, как говорится, варианты. Владик, к примеру, если шел в театр с друзьями (даже когда в Большой!), предпочитал рубашку со свободным воротом. Ну, а коли вдруг приглашал девушку, то украшал себя удавкой.

В данной ситуации – вызов на кафедру, да не простой, а телефонограммой, – и Владик, и даже свободолюбивый Радий, не сговариваясь, сочли, что повод галстука заслуживает.

На кафедре их уже ждали. Секретарша нелюбезно буркнула: «Иноземцев и Рыжов? Явились? Ты, Рыжов, ступай отсюда, погуляй, подождешь немного, а ты, Иноземцев, проходи».

В кабинетике, где сидел завкафедрой, его самого не было. Председательский стул пустовал. Однако за столом для посетителей, под портретами Ленина и Сталина, сидел незнакомый мужчина в очках. Владик также успел заметить, что тот был в костюме, однако в рубашке с распахнутым воротом и безо всякого галстука.

– Иноземцев? – приветливо спросил мужчина. – Прходи, садись.

Владик устроился напротив. Он нервничал, поэтому никак не мог составить впечатление, что это за мужчина, откуда он и о чем пойдет разговор.

– Меня зовут Константин Петрович, – любезно промолвил гость. – Фамилия Феофанов.

Он был худощавый, средних лет и, как показалось, своего поля ягода: интеллигент и, конечно, технарь – ученый или конструктор. От этого Владик непроизвольно почувствовал к нему симпатию.

– Владислав Иноземцев, – постарался быть солидным молодой человек.

– Вы, Владислав, на пятом курсе учитесь?

– Да.

Мужчина, казалось, задавал самые простые вопросы для того, чтобы расположить студента, победить его застенчивость.

– Скоро диплом?

– Если доживу, – Владик постепенно осваивался.

– Ну, какие ваши годы! А о будущей работе вы не думали?

– Поеду, куда пошлют, – молвил парень, а потом оговорился: – Куда Родина отправит, – так выходило правильнее. А сам подумал: «Похоже, явился «сват». Не рано ли?»

«Сватами» назывались в студенческом обиходе представители заводов и конструкторских бюро, которые зазывали будущих выпускников на свои предприятия. Однако обычно они подходили в институте к тем, кто был старше, – уже к дипломникам. И первыми «сватали» отличников. А Иноземцев, хоть учился без троек и стипендию всегда получал, первым учеником никогда не был. Но Константин Петрович, казалось, услышал его мысли и пояснил:

– Мы тут прочитали вашу курсовую. О заатмосферном аппарате, правильно? – Владик кивнул. – Толково написано. Почти похоже на правду. Особенно если учесть дефицит, который у вас, конечно, имелся в процессе работы. Я имею в виду исходную информацию. Вы совместно с Рыжовым работу делали?

Юноша кивнул.

– И с Кудимовым.

– Молодцы, – мужчина еще раз похвалил, однако похвала его прозвучала так, словно взрослый восторгается куличиком, что испек из песка несмышлениш. Впрочем, он добавил: – Нам такие ребята, как вы, нужны.

– Кому это – «вам»?

– Одной организации, которая занимается очень интересными вещами.

– Какими вещами?

– А вот это пока секрет. Но я вас уверяю: если вы к нам придете, не пожалеете. Никто пока не жалел.

– Но я ведь еще учусь.

– А мы и не приглашаем вас немедленно. Во всяком случае, не на полную ставку. Придете к нам покуда на должность техника. На полставки. У нас, между нами говоря, острая нехватка технического персонала. Не хватает нам расчетчиков, – доверительно сказал мужчина. – Объем вычислений огромный. А счетно-решающих машин пока недостаточно. Их, что там говорить, практически нет. Поэтому вы нам поможете своим трудом расширить, как говорится, одно из узких производственных мест. А там присмотритесь к тому, чем мы занимаемся, глядишь, выберете диплом по нашей тематике. У нас преддипломную практику пройдете. Руководителем вашего диплома станет один из наших ведущих специалистов – да хотя бы и я, подберем вам и оппонента, и рецензентов. Защититесь спокойненько – и уже насовсем. Как вам такая перспективка?

– Впечатляет, – кивнул Владик. Он действительно был впечатлен и, чего там скрывать, горд предложением. – А, извините, можно вопрос? – Мужчина кивнул. – Ваша контора в Москве находится?

– Нет, неподалеку.

– Тогда я, наверно, вам все равно не подойду. У меня нет московской прописки. И подмосковной нет.

Впервые Владик открыто глянул в лицо незнакомца и понял, что тот совсем еще не стар, и даже сказать, что он средних лет, довольно сложно. Лет ему было не больше сорока, а скорее, даже ближе к тридцати. Хотя держался мужчина солидно, но не оттого, что важничал, а просто был уверен в себе и казался человеком на своем месте.

– Мы знаем, что вы не москвич, – кивнул «сват». – Но мы утрясем этот вопрос. Будет у вас постоянная прописка, будет. Правда, областная, скорее всего, но какая вам разница? На первых порах, после того, как к нам распределитесь, будете жить в общежитии для молодых специалистов. А потом, глядишь, и очередь на квартиру подойдет. У нас сейчас жилищное строительство хорошо поставлено. Зарплаты мы высокой не обещаем, но у нас премии солидные, надбавки, интересные командировки. А главное, есть где развернуться. Вы, я вижу, по натуре исследователь, сможете и тему свою разрабатывать, и защититься со временем, очень даже быстро. Ну, убедил?

Больше всего Владиду хотелось как можно скорей заорать: «Да!!!» Подумать только! Прописка под Москвой, общага, со временем своя квартира! И диссертация маячит! Но он, для пущего форсу, спросил:

– А Рыжову вы то же самое предлагать будете?

– Друг он твой? – гость незаметно перешел на «ты», и это почему-то оказалось приятно.

Юноша кивнул.

– А ты хотел бы, чтобы вы с ним вместе трудились?

– Конечно!

– Да, и ему тоже.

– А почему вы Кудимову не предложили?

– Кудимову? – казалось, удивился мужчина. – А, это третий друг ваш... На этот вопрос я не готов ответить. Возможно, – человек мягко улыбнулся, – ему предложат что-нибудь другое.

– А еще один вопрос можно?

– Можно.

– Ваша тематика связана с тем, что... – он запнулся, не зная, как похитрее сформулировать, и, наконец, закончил полупшепотом (получилось не очень солидно): – ...что сейчас там летает? – пальцем Владислав указал на потолок.

Мужчина скупно улыбнулся и коротко кивнул.

– Тогда я согласен.

* * *

На следующий день Владик поехал электричкой с Ярославского вокзала. Москва скоро, едва миновали станцию Северянин, кончилась. Начались домики, сосны, деревянные платформы: Лосинка, Перловка, Тайнинка...

На станции Подлипки он вышел, как ему объяснил Константин Петрович: на правую сторону по ходу движения. Здесь царила совсем патриархальная, почти деревенская тишина. Приезжих встречало древнее бревенчатое здание с надписью «Хозмаг». По периметру станционной площади росли лесные деревья. Трудно было даже представить, что где-то здесь придумывают и, возможно, делают мощные и грозные ракеты, которые могут перелететь с континента на континент, поразить врага или отправить в космос мирный спутник. Он пошел, как было велено, по улице Коминтерна, застроенной симпатичными трехэтажными домиками.

Довольно быстро он нашел ничем не примечательную проходную. Впрочем, дальше обитой дерматином двери, где сидел мордатый кадровик в гимнастерке (однако без погон), его не пустили. Владислав заполнил чрезвычайно подробную анкету. Анкета у него, в целом, была хорошая: не был, не состоял, не участвовал. Не подвергался, на оккупированной территории не проживал, родственников за

границей не имею. Значился, правда, в жизнеописании Владислава серьезный изъян: отец. Вернее, его отсутствие. Естественно, вместо фамилии-имени-отчества папани у Иноземцева в анкете следовал прочерк. Фамилию Владик носил маманину, а отчество – дедово. Конечно, без отца было плохо – и в жизни, и в смысле анкеты. Но все равно лучше папаши вовсе не иметь, чем если он враг народа, или пропал в войну без вести, или даже проживал на оккупированной территории. Усыновил бы его, допустим, Аркадий Матвеевич – что хорошего? Тот и в плену был, и в лагере восемь лет просидел. С таким отцом не то что в почтовый ящик – на овощебазу не взяли бы. Все же хорошо, что с мамой они не расписаны. Формально – совершенно чужие люди.

Об этом думал Владислав, возвращаясь домой на электричке: все-таки должны взять. Нет у него в анкете никаких изъянов. Но мало ли что: может, он сам не ведает за собой греха, а органы наковыряют что-нибудь.

Глава третья

Галя

Мальчишки часто многого не знают о девочках. О чем те думают, чего хотят, к чему стремятся. Эта неосведомленность и становится главной причиной ссор и столкновений между полами – до свадьбы и в первые годы брака. Потом, имея значительный опыт супружества, наконец, начинаешь отчасти понимать прекрасные половины (а те, наоборот, начинают разбираться в мужчинах) – ан, глядь, поздно. Время ушло. Женщины, оказывается, тебе уже не нужны. А ты – им.

Ни о чем подобном даже не задумывался тогда, в пятьдесят седьмом, третий друг из компании маевцев, Вилен Кудимов, когда отправлялся на поиски двух подруг, Галины и Жанны. Но больше, конечно, Жанны. Он не мог забыть те три часа, что провел рядом с нею в тамбуре поезда, идущего из Бийска в Москву, и, главное, ее сладкий поцелуй. Да и в секретной книжке его вдруг в какой-то момент оказалось, что девушек, которые, подобно ей, имеют пятерку по критерию «П», больше просто нет.

Между тем тот поцелуй в тамбуре отстоял от него – во временно?м промежутке – на расстоянии целого месяца. Но с девушками – особенно с теми, что настойчиво ищут свой путь в жизни (и свою пару), за месяц часто происходят серьезные перемены. Юноше кажется, что он возвращается к прежней деве – а она уже стала совсем другой. Вот и с Жанной, и с Галей за истекший месяц произошло всего столько, что они обе очень переменились.

Началось с того, что однажды Жанна пришла домой, в общежитие, с идеей:

– Я предлагаю, Галка: давай запишемся в аэроклуб!

– Куда?! – вытаращилась Галя.

– В аэроклуб! В ДОСААФ! Прыгать с парашютом!

– Зачем?!

– Ты не понимаешь! Разве ты не чувствуешь, что сейчас небо – это модно? Все на самолетах туда-сюда летают. Новый лайнер Ту-104 до Парижа без посадки добирается. Скоро в Нью-Йорк отправится. Спутник опять же запустили. Небо – это стиль!

– Ну и что с того?

– А то! Всегда там, где модно, кучкуются самые перспективные ребята. И все, заметь, москвичи, как правило! Опять же, я узнавала, в аэроклубах двадцать парней приходится на одну девушку. А то и все пятьдесят! Не то что наш вуз, где ребят полторы калеки. Напряженное внимание всего мужского контингента нам с тобой обеспечено!

– А ты не побоишься прыгать? Помнится, ты мне говорила, что высоты трусишь.

– А, чепуха! Преодолеем. В конце концов, инструктор вниз толкнет. А потом – когда еще до прыжков дело дойдет! Я узнавала: сначала они там изучают матчасть, слушают лекции, парашюты учатся укладывать, на тренажерах занимаются.

- Теоретический бубнеж? В вузе надоело.

- Но вокруг, представь, - одни парни! Я, может, скорее, чем в первый раз с самолета, замуж за кого-нибудь прыгну. Нет, все, решено. Идем с тобой в аэроклуб в ближайшее воскресенье.

Галя прислушалась к себе. Ее мама так выучила: перед любым решением, что предстоит принять, спрашивай, прежде всего, свое сердце. Что оно подскажет. А уже потом включай мозги и делай расчеты. И студентка вдруг поняла, что прыгнуть с парашютом - ей хочется. Она удивилась и подумала: с чего бы это? Но, если поразмыслить, она всегда любила высоту! И когда товарищ весной зазвал ее на последний этаж высотки МГУ, она смотрела вниз на столицу, и ей не просто нравился вид Москвы с Ленинских гор. Она испытывала приятное щекотание в груди, и ей хотелось - о, да, и впрямь хотелось! - броситься вниз и поплыть над этим городом!

На самолетах Галя, как и большинство ее современников, никогда не летала - а тоже как хотелось бы! Да и потом, если разбираться, ей, помимо высоты самой по себе, всегда нравилось именно прыгать. Она вспомнила, как маленькая, зимой, забиралась на крышу сарая и сигала в громадный, нанесенный внизу сугроб. Проваливалась, когда снег был мягкий, с головой - но все равно, раз за разом, влезала и рушилась, влезала и рушилась. И чувство полета так приятно было! И мало кто из мальчишек мог ее прыжок повторить! Только уж самые взрослые, отчаянные. А все другие ей завидовали и уважали.

И ей мгновенно представилась картина: вот она заходит в самолет. В летном шлемофоне и в очках, с парашютом за плечами. Она идет вместе с группой парней, экипированных так же. Железная птица разбегается, взлетает и начинает набирать высоту. Все выше и выше, земля становится далекой. Дома и машинки похожи на кубики и букашек. Ревут винты. Командир говорит: высота три тысячи метров, пора прыгать. Инструктор открывает дверь. Оттуда доносится свист воздуха. Стальная машина мчит намного выше облаков. Парни один за другим подходят к краю и отшатываются в ужасе: нет, нет, я не могу! И тогда она, Галя, отстраняет от люка всех и говорит: а я прыгну! Все сразу начинают уважать ее, перешептываются: о, Бодрова! Ну, Галка! Во дает! Сильна! Высота три километра! И есть только один парень, который соглашается прыгать. Он почему-то с лицом и фигурой того студента-маевца, с которым они познакомились, когда разъезжались с целины. Его еще звали так же, как погибшего отца: Владислав. И вот он нежно берет ее за руку - и они

вместе рушатся в воздушный океан. Планета расстиляется под ними, и они летят, летят...

- Эй, подруга! Ты что? - затормошила ее Жанка.

Близкие знали за Галиной способность улетать - не в прямом, разумеется, смысле, а в переносном: задумываться настолько, что даже выпадала из окружающей действительности.

- Да, извини! А что ты спрашивала? Да, я согласна. Пойдем!

- Значит, в субботу, сразу после занятий. Не забудь медсправку у врачихи взять. И не говори никому - а то у нас девчонки ушлые, сразу набегут.

Галя никому и не сказала про новое увлечение, удержала в тайне. Но, судя по тому, что в ближайшее воскресенье с ними в аэроклуб, кроме самой Жанны, отправилось пять других девчонок с курса, подруга пропагандировала небо не только Гале.

Посулы Жанны по части мужского контингента оправдались. На семерых девушек, разом пришедших заниматься в аэроклуб, смотрели как на чудо дивное. И, разумеется, в группе, в которую их определили, они явились единственными представительницами прекрасного пола. А парни, по крайней мере на первый взгляд, подобрались хорошего качества - Жанка и в этом не ошиблась.

Насчет того, что до практики еще далеко, она оказалась права. Занятия начались с теории. В классе, точь-в-точь как в школе на военной подготовке, их усадили за длинные ряды парт. Занятие проводил дяденька в гимнастерке с орденскими планками и нашивками за ранение, потрепанный жизнью и небом. Отставник велел им сидеть тихо и записывать, а сам начал диктовать - по памяти, но шаблонными фразами:

- Для обозначения центра площадки приземления выкладывается хорошо видимый с высоты десантирования знак в виде креста... Для определения направления ветра у земли на площадке приземления устанавливается матерчатый конус или другие указатели. В отдельных случаях (при выполнении показательных прыжков, проведении ПСР и т. п.) допускается определение

направления ветра другими способами (пристрелочные ленты, дымы и т. п.).

Он уморил сразу многих. На следующее занятие из пяти девочек, завербованных Жанкой на факультете, не пришли четыре. Ряды мальчишек тоже заметно поредели. К счастью, тот парень, которого Жанна наметила с самого начала, в аэроклуб явился. Гале, как и многим, первый урок тоже не понравился – еще одна скучная лекция, их и в институте хватало. Однако она была упорной девочкой, как положено отличнице и комсомолке. И хотела добиться своего: прыгнуть с парашютом. И проверить себя. И пофорсить потом среди подруг и мальчишек. А кроме того, иначе в воскресенье пришлось бы вообще одной в комнате сидеть: ухажера в настоящий момент у нее не наблюдалось, книги интересной не было, а учиться на всю катушку время еще не пришло: семестр только начался.

Слава богу, на второй раз занятия в аэроклубе пошли веселее. Начали тренироваться в укладке парашюта, и у Галины, на удивление, упражнение получалось – даже лучше многих парней. И мальчики тамошние стали ее замечать, относиться слегка по-рыцарски. Один дверь перед ней открыл, другой подсказал на ушко, как стропы расправлять. Приятно, конечно, что в небе полным-полно мужчин и столь мало женщин. Не то что в педагогике: с точностью до наоборот. Да в аэроклубе любая корова стала бы котироваться – они с Жанкой здесь вообще королевы.

Но если смотреть непредвзято, у Жанки объективно больше шансов – потому что она кокетливей и общительней, чем Галя. Вот всего лишь второе занятие, а возвращаться в общежитие Бодровой уже пришлось одной. У Жанки с тем мальчиком, что она выбрала, сразу началась симпатия, он как-то сразу предложил ей прогуляться по парку – она, недолго думая, согласилась.

Вернулась девушка в общежитие почти в двенадцать ночи и вся взбудораженная.

– Ты представляешь, его зовут Борис. И он москвич! И папа у него – артист. Да не простой артист, народный! Боря меня на будущей неделе обещал в кино с его участием пригласить! – и снова: Боря то, Боря се.

На третьем занятии принялись заниматься на тренажерах. Тот самый Борис, сын артиста, все время крутился около Жанки (или она вокруг него?). Галя

рассмотрела его с пристрастием. Парнем он был видным: хорошего роста, чудные воловьи глаза, румянец во всю щеку. Но Галка никогда бы на такого не запахла. Чувствовалась в нем какая-то червоточинка. Ни ему, ни Жанке, казалось, не было уже дела ни до самолетов, ни до парашютов. Ни до чего, кроме флирта! А они ведь на том занятии стали почти прыгать: отработывали отделение от самолета. Из старой кабины списанного аэроплана, установленной на высоте табуретки, они по очереди отделялись — то есть выпрыгивали в группировке, прижав руки к груди — так, как парашютистам положено. И опять Галку инструктор хвалил. От природы собранная и координированная, она выполняла упражнения лучше многих молодых людей, кулем вываливавшихся из двери.

В следующее воскресенье ни Жанка, ни Борис в аэроклуб не пришли. Гале пришлось ехать одной — но ей неожиданно в таком составе посещать кружок понравилось даже больше. Она на том занятии вообще единственной представительницей прекрасного пола оказалась — как звезда, как Шемаханская царица.

А до неба тем временем оставалось еще далеко. Аэроклубовцы продолжили сигать из ненастоящего самолетика, имитировали приземление на лес, электропровода или воду, а еще изучали отцепную систему. И снова парашюты укладывали.

У Жанки, меж тем, от того воскресенья оказались свои собственные впечатления. Они проигнорировали аэроклуб и ходили с Борисом в кино. Смотрели новый фильм «Девушка без адреса» — того самого режиссера, Рязанов его фамилия, что «Карнавальную ночь» поставил. Про режиссера Боря девушку просветил — он вообще все-все знал про мир кино. Кино было очень смешное, но Борис мешал воспринимать, все пытался ее поцеловать. После сеанса девушка позволила — в щечку, конечно.

А вскоре Жанна пригласила Галю поехать к Борису в гости — на его дачу!

— На дачу?! Ноябрь на дворе! Там же холодно будет! — ужаснулась Галя.

— Ты чудачка! — воскликнула Жанна. — На многих дачах в Подмосковье есть отопление, на некоторых даже газовое. У него в доме, конечно, тоже.

– Да неудобно как-то...

– Да ты что! Я специально Бориса упросила, чтобы он своего друга какого-нибудь пригласил, в расчете на тебя. Что я ему скажу? Друг придет, а я ему – взамен еще одной красивой девушки – дулю? Нет уж, давай, подруга, ты меня не подводи.

И хоть шептало Гале сердце, что не надо ей на ту дачу ехать, она дала себя Жанне уговорить. «Не езди, не езди», – твердил внутренний голос, однако расчет и подруга возобладали. «Коль будут Борисовы друзья, – вкрадчиво шептал разум, – значит, они тоже, как и он, москвичи и, надо думать, из хороших семей. Есть шанс познакомиться и подружиться».

В назначенный день – то была суббота, второе ноября – стояла замечательная, совсем не ноябрьская погода. Казалось, вернулось бабье лето: сухо, тепло. Они поехали на электричке одни. Борис грозился отправиться на дачу пораньше, истопить печку и встретить их на станции.

Когда Жанна и Галя прибыли, он уже ждал на платформе.

Деревья все почти облетели, лишь трепетали на ветру несколько желтых листьев, кружились, падали, валялись у ног. Ими хорошо было шаркать, вздымать толчком ноги. Совсем распогодилось.

Боря встречал их в распахнутом пальто. Пальто было необычное, диковинного цвета кофе с молоком – явно импортное. Ни у кого из знакомых подобных одежек не имелось.

Он галантно подхватил у девушек сумки. Они везли собственноручно приготовленную еду: винегрет и холодец.

Вчера полночи хлопотали в общаге на кухне. Жанка готовить не умела и не любила. Гале кашеварить тоже не слишком нравилось, но в тот раз она старалась. И даже что-то вроде вдохновения испытывала. А Жанка от приготовления пищи отстранилась. Картошку нехотя порезала – и была такова. Теперь Галя волновалась: понравится ли мальчишкам ее стряпня? Если да, она не собиралась замалчивать свои достижения. Надо будет прозрачно намекнуть ребятам, что именно она достигла столь впечатляющих успехов в кулинарии.

Любые достижения требуют жертв – эту аксиому девушка хорошо усвоила. Вот и сегодня обеим пришлось манкировать лекциями: встали спозаранку и бросились в парикмахерскую. Несмотря на ранний час, все равно пришлось выстоять длинную очередь – но зато и укладки, и маникюр девочки все-таки сделали и выглядели теперь очень недурно. Правда, одежда и обувь отставали от заграничных Бориных. В то же время нельзя сказать, что Боря был пижонем, каким-нибудь стилигой: брючины его были нормальной ширины, не узкие, и пострижен коротко, без вызывающего кока.

Борис смотрел на Жанку влюбленными глазами. А Галя чувствовала, что и она тоже хороша теперь: ладная причесочка, маникюрчик, кокетливо повязанный шарфик, прямой взгляд черных глаз. И ей отчего-то показалось, что именно сегодня найдется кто-то, кто ее оценит по достоинству. Во всяком случае, те, кто встречался им на улицах дачного поселка (а их было много по случаю необычно погожего денька), задерживали свой взгляд на этих трех представителях передовой советской молодежи. Встречные мужчины – взрослые и даже лысые, и в велюровых шляпах, и в солидных пальто – пристально – гораздо пристальней, чем обычно! – глазели на обеих девушек.

Они довольно долго шли по поселку. Галя никогда не бывала ни на чьих дачах – в их городке и понятия-то такого не существовало! Только в произведениях Чехова и других классиков читала. Теперь она смотрела во все глаза, какая бывает дачная жизнь.

Большие участки земли простирались за низкими оградками, росли гигантские сосны и ели, а посреди как будто бы нетронутого леса стояли деревянные дома с большими террасами. Многие из них были даже двухэтажными! Галя никогда не видела таких громадных дачных домов. На весь поселок, откуда Галина была родом, вообще имелась лишь пара двухэтажек: больница да школа.

С дач слышались звуки патефона, смех и стук шарика пинг-понга. Жгли листья, сладковатый запах струился над поселком. Никого не видно было в три погибели на грядках – да и не водилось, кажется, тут никаких грядок. На дачах явно проживали лучшие люди страны: академики, поэты, артисты – такие, как Борин отец.

Борис, даром что из подобного окружения, оказался в общении приятным парнем, он совсем не задавался. Много шутил, травил анекдоты. Жанка охотно

смеялась, даже если анекдот оказывался, по мнению Гали, не смешным. Она вообще изо всех сил старалась понравиться парню. Даже по поводу снеди, привезенной ими, высказалась без зазрения совести:

– Ох, я так вчера устала с этой стряпней, – в единственном числе, «я устала», можете себе представить?!

– Ага, уморилась: три картошины почистила, – буркнула себе под нос Галка. Подруга пихнула ее в бок, и она Жанку все-таки пожалела, не стала развивать тему. Когда Боря, недослышав, переспросил, о чем она, сказала совсем противоположное:

– Жанна у нас вообще хорошо готовит, – и сделала, незаметно от парня, гримасу своей товарке.

Наконец, пришли. И участок, и дача у Бориса оказались под стать тем, что они видели по дороге: огромные лесные деревья и двухэтажный дом, с террасой на первом этаже и балконом на втором. В доме оказалось сильно натоплено, а в гостиной со смешной мужской старательностью накрыт стол. Колбаса порезана сикось-накось, зато возлежит на сервизе с нимфами – трофейном, а может, антикварном. Даже привезенные девочками холодец с винегретом подали не в тазиках (как принято было в общаге и у них в домах), а переложили в фарфоровые блюда. И еще на даче имелось устройство, которое пока далеко не каждый дома имел: настоящий холодильник – новейший «Саратов». Оттуда Борис выудил по бутылке водки, портвейна и шампанского.

Стол в гостиной был накрыт на четыре персоны. Галя волновалась, какое она произведет впечатление на друга Бори, но тот что-то опаздывал.

Борис заявил, что в хороших домах сейчас принято, как за границей, выпивать перед обедом стопку-другую, называется – аперитив. Он открыл шампанское, налил девочкам. Сам махнул водки.

Наконец явился долгожданный друг, по имени Сева, однако пришел не один, притащил еще двоих друзей. Одного звали Георгий, или Гога, другой представился Геней. Явление сразу троих парней не понравилось Гале, да и Жанка оказалась не в восторге. Ребята тоже были одеты в заграничное, хотя и не в такое красивое и новое, как у Бори, – наверное, купили ношеное в

комиссионке или на барахолке. Держались мальчики совсем не так скромно, как студенты с их с Жанкой курса, – оказались общительны и даже, можно сказать, развязны, чего Галя не терпела.

Борис выставил еще два недостающих прибора, и начался пир. Мальчики форсили друг перед другом и наперебой оказывали внимание Гале. Жанке безраздельно принадлежал Боря. А Гале не понравился, если честно, ни один из новой троицы. У Гоги пованивало изо рта – или то был Гена? Сева выглядел и оказался страшным занудой – излагал свои мысли со скоростью улитки, ни у кого не хватало терпения до конца дослушивать. У Гены (Гоги?) щеки оказались помечены угревой сыпью.

Галя только терпела и нехотя слушала их шутки. Правда, она, вот новость, захмелела сразу мощно, хотя пила одно лишь шампанское, портвейна едва пригубила.

За окнами стемнело, но хозяин не зажигал света. Жанка попросила его это сделать, но Борис предложил:

– А давайте посумерничаем?

Другие мальчишки горячо подхватили идею. Одинокие протесты Гали во внимание приняты не были. Жанна, видать, ни в чем не хотела перечить хозяину и согласилась на интимный свет. Боря встал и принес две свечи в высоких антикварных подсвечниках. Заодно поставил на проигрыватель странную пластинку – она была изготовлена из чьей-то рентгенограммы. Галя слышала о таком, но видела впервые: то была «музыка на костях» – запрещенные в СССР песни записывали подпольным образом на старых рентгеновских снимках. Музыка называлась «рок» или «буги-вуги». Зашипела иголка, заиграли инструменты. Ритм оказался раз в десять скорее, чем когда-либо слышанный Галей. Потом запел, захлебываясь, исполнитель – что-то по-английски, но слов не разобрать. Борис пригласил Жанну, та стала отказываться. Гена (или Гога?) подошел к Гале – однако тоже успеха не имел.

– Оставь их, – пьяноватым голосом бросил Сева. – Они, видать, совсем девственные.

– Вруби им вальсок, – со смехом выкрикнул Гога.

Борис снял пластинку-рентгенограмму и, кривляясь, поставил что-то советское, из конверта. Заиграл джаз Утесова. Гога подсуетился, снова подскочил к Гале. Делать было нечего, пришлось идти. Боря подхватил Жанку. Танцевали фокстрот. У Гоги воняло, оказывается, не только изо рта – другой запах, более вонючий, поднимался из подмышек. То ли от того амбре, что он источал, то ли от слишком быстрого танца Галю стало мутить. Она остановилась, вырвалась из рук парня. Жанка заметила, что подружке нехорошо, тоже прекратила танец, кинулась к ней.

– Кажется, чувиха переусердствовала, – довольно громко прокомментировал кто-то из ребят.

Жанна не бросила Галю, отвела в ванную комнату (на этой даче даже ванная имелась!). Перед девушкой все плыло, как в тумане. Она не понимала, что с ней происходит. Неужели напилась? Никогда в жизни такого не было. Стыд-то какой! Но ведь она пила только шампанское, а портвейна совсем чуть-чуть. Может, ребята тайком в шампанское водку подливали? Галя слышала о таком мальчишеском подлом фортеле от девчонок постарше, но всегда считала, что подобное может случиться только с другими, гораздо более развязными девицами, с какими-то гулящими – а не с нею. И вот, пожалуйста. Стыд-то какой!

Жанна из ванной комнаты отвела Галю наверх по довольно крутой лестнице. Там был большой кабинет. Домашние кабинеты Галя видела до этого только в кино: с огромным столом, книжными полками и зеленой лампой. И еще там имелся кожаный потертый диван с валиками, на который подруга уложила девушку.

– Ой, как стыдно-то... – пробормотала Галя, но мир вокруг нее вдруг совершил два или три оборота, а потом она провалилась в самый глубокий сон в своей жизни.

* * *

Проснулась Галя, ничего не понимая: где она находится и что с нею происходит. Потом потихоньку явились воспоминания – и вместе с ними стыд: дача, Борис, стол, незнакомые ребята, «буги на костях», ее внезапное опьянение. Девушка чуть приподнялась на диване. Она оказалась укрыта пледом, а под головой –

подушка-думка. Жанна (или, может, Борис?) о ней позаботилась. В кабинете было темно и очень тихо. По ощущениям, царила глухая ночь, часа три, и ниоткуда не доносилось ни единого звука.

Галя рывком привстала на диване. Шторы оказались не завешенными, и через высокое окно проникал единственный источник света – далекий дачный фонарь. «Ой, как стыдно, – жгучая мысль полоснула девушку. – Что подумают ребята. И что скажет Жанка? Я ей все испортила». От бывшего хмеля не осталось следа, мысли оказались ясными, даже слишком. Единственное, что напоминало о вчерашнем, – сильно болела голова. Да еще во рту страшно пересохло, полжизни бы отдала за глоток воды.

В этот момент на лестнице слышались шаги. «Наверно, Жанка идет меня проведать», – мелькнула мысль. Говорить ни с кем не хотелось, даже с подружкой, и Галя юркнула под плед и притворилась спящей. Сквозь полусомкнутые веки наблюдала за входной дверью.

Она растворилась, и на пороге появились двое: то были парни, которые приехали вместе с Севой вчера и имен которых девушка теперь не могла вспомнить.

– Дрыхнет, – шепотом констатировал один.

– Давай, – срывающимся голосом предложил второй.

– Может, не надо? Вдруг чего...

– Да ладно! Она ж пьяная в дупель! Ничего и не вспомнит!

Галя, ошеломленная, даже не могла сообразить, что творится и чего парни хотят. Мелькнуло, что, может, игра какая-то.

Парни подошли к кровати. Затем первый наклонился над ней, нашел руки и схватил за кисти. Потом приблизился своим вонючим ртом и вцепился в губы. Галя произвольно дернулась – и вырвалась. Силы у нее вдруг оказалось много, и она легко освободила свой рот и запястья.

– Ну, что встал?! – горячим шепотом прикрикнул первый мальчишка на второго. – За ноги ее держи!

Второй послушно лапнул Галину выше колен и прижал ее ноги к скользкому дивану. Она дернулась и безотчетно лягнула его – кажется, в грудь. Во всяком случае, тот крикнул «О, черт!» – и на минуту оставил девушку в покое. Но зато первый, по-прежнему молча, стиснул Гаю рукой за горло и снова повалил на диван. Девушка захрипела. Положение становилось отчаянным, и внутри у нее словно включился некий механизм, не зависящий от ее мыслей и устремлений, – механизм назывался «инстинкт самосохранения», и теперь только он направлял ее действия. Свободной рукой Галина с размаха засветила парню по голове. Другая рука ткнула его по ребрам. Первый отвалился куда-то в сторону, и, пока не подключился второй, ей удалось вскочить на ноги. Галя завопила что есть мочи:

– Жанна! Помогите! Помогите! Жанна!

Ей никто не отвечал и никто не устремился на помощь. Однако ее вопль испугал насильников, и они оторопело отступили от девушки. Она тяжело дышала – парни тоже. Казалось, в них не осталось ничего человеческого, и они были готовы, словно звери, напасть и терзать самку.

Оба синхронно сделали шаг вперед, и один из них вытянул руки, пытаясь схватить девушку. Галя отступила на шаг. Двое приближались, она двигалась назад. Потом комната кончилась, сзади нее оказались только окно и дверь, ведущая на балкон.

– Мамочки! Помогите! Жанна! – заорала еще раз девушка, но все было тщетно. А первый уже совсем приблизился и снова схватил ее за запястье.

И тогда Галя, как и раньше, движимая не мыслью, а инстинктом, вырвалась из его клешней, засветила куда-то ногой – непонятно куда, однако парень пробормотал: «А, черт!» – и скрючился. И Галя, не дожидаясь, пока нападет второй, рывком распахнула дверь и, путаясь в занавеске, выскочила наружу, на балкон.

Поселок спал. Свет в доме – внизу, на первом этаже – не горел. Не светились окна и в других особняках, по соседству. Пространство ночи освещалось только

далеким фонарем. Глянцево отливали в его блеске листья и трава.

На балкон выскочили, один за другим, оба насильника. Лица их были искажены. Кажется, в них тоже проснулся инстинкт – инстинкт охотников, не менее сильный, чем Галино чувство самосохранения. И тогда она, задыхаясь, быстро перелезла через ограждение и встала лицом к бездне, спиной к ним, держась сзади себя за ограду балкона руками.

– Я прыгну, – хрипло предупредила она.

– Прыгай, – сказал первый, Гога или Гена. – Убьешься.

– Ну ее к черту! – истерически воскликнул второй. – Генка, втащи ее, она ведь и впрямь убьется.

– И пусть! – молвил первый (значит, его все-таки звали Генкой), сделал еще один шаг вперед и взялся своей лапой за плечо девушки.

Тогда она оттолкнулась и прыгнула вниз. Она сделала все, как учили на парашютных курсах, и еще раньше, на школьных уроках физры, когда прыгали через коня: сгруппировалась и приземлилась мягко, на всю ступню и с согнутыми коленями. Земля на вид казалась вроде бы мягкой и травяной – однако удар о нее оказался жестким. Девушка спружинила в момент приземления, однако сила инерции отбросила ее вперед, и Галя не удержалась на ногах, упала. Земля ударила по телу наотмашь. Очень больно стало руке и плечу. Девушка снова вскочила на ноги и поняла, что, против собственного ожидания, она, при прыжке со второго этажа, ничего себе не сломала, не вывихнула. Болело лишь плечо, но Галя почему-то была уверена, что это пустяки, просто царапина. И еще она ощущала свободу и радость. Непонятно отчего пришло к ней это чувство: то ли от прыжка, то ли оттого, что вырвалась из рук парней. Два их бледных лица испуганно маячили на высоте балкона. Прыгнуть вниз, вслед за нею, им явно было слабо.

– А вот вам! – хулигански выкрикнула Галя. Ей захотелось показать им нос, но потом она передумала и сделала даже более похабный жест. Когда-то, она подсмотрела, им обменивались в их поселке взрослые мужики, и она до конца даже не понимала, что он значит. Что-то очень обидное, вроде: накося, выкуси!

Она ударила ребром правой ладони по сгибу руки левой, а потом хулигански согнула ее, сжав в кулак. И выкрикнула слова, которые слыхивала только от разных подонков и никогда даже не думала, что сможет произнести:

- Идите на х-й, му-аки!

Галя развернулась и понеслась к калитке. Погони за ней не было.

Она открыла щеколду и выбежала в ноябрьскую ночь. Стремглав пронеслась до дачного перекрестка и растерянно остановилась.

Одна, в чужом подмосковном поселке, босая, без калош и пальто, лишь в беленьких носочках и легком платьице, на стылой ноябрьской земле – без денег, сумки и документов – куда было ей идти? И что делать?

* * *

Фары автомобиля выхватили на обочине одиноко бредущую куда-то женскую фигурку. Управлявший собственной «Победой» генерал-майор Провоторов изумился.

Идти – а тем паче брести! – советским людям в половине третьего ночи было решительно некуда. Да и, прямо скажем, – некому. Не существовало тогда в СССР ни бомжей, ни гастарбайтеров, ни воров, ни мафиози, ни проституток с сутенерами. Нет, имелись, конечно, отдельные и чрезвычайно нетипичные представители упомянутых сословий, но сколь-нибудь заметными невооруженным глазом они не были. А вооружали, к слову, свой глаз в поисках данных элементов лишь советская милиция и госбезопасность. Или, напротив, засланные зарубежными разведывательными и пропагандистскими центрами щелкоперы, продажные газетчики, наймиты капитала.

Да! Незачем советскому человеку было брести куда-либо среди ночи. После полуночи в Советском Союзе не работал ни один магазин, а тем более клуб, кинотеатр или иное развлекательное заведение. Метро не ходило, автобусы тоже. Таксомоторы и те были редкостью. Поэтому одно из двух: одинокая фигурка посреди дачного поселка могла быть либо преступником, либо жертвой преступления.

Галя, честно говоря, без пальто, туфель и сумки, в большей степени навевала мысли о втором.

Ни секунды не колеблясь, генерал Провоторов нажал на тормоз «Победы». Авто остановилось. Девушка обернулась в свете фар, испуганная и дрожащая от холода.

Генерал Провоторов, хоть и был военным летчиком и прославился на фронтах Великой Отечественной как ас, лично сбивший двадцать семь фашистских самолетов, в строю стоял не очень часто. Не пехота, чай! И мало кем ему приходилось в бою командовать – однако командным голосом он обладал. Иначе, к слову сказать, и не стал бы генералом.

– Живо в машину! – приказал он.

Девушка подчинилась не сразу. Сначала она разглядела генеральские погоны с золотым шитьем, золотую звездочку ордена Героя Советского Союза на груди и, главное, умные, немолодые и участливые глаза. Поняла: подвоха сегодня больше не последует. Почувствовала это – сердцем. Да и что ей, в сущности, оставалось делать! Или довериться первому встречному, или пропадать тут, в Подмоскovie, в одиночку – не зная даже, в какой стороне находится железнодорожная станция.

Генерал распахнул перед юным созданием дверцу авто – что он делал, пока та была жива, только перед родной женой, и то не часто. Чаще самому генералу открывали дверь денщик, адъютант, ординарец – ну, или младшие по званию.

Сейчас открывать было некому. Он самостоятельно обошел авто и уселся на водительское кресло. Девушка рядом вся тряслась, как в ознобе.

Провоторов максимально увеличил температуру печки и достал из перчаточного ящика флягу в маскировочном чехле – там хранился НЗ, неприкосновенный запас доброго армянского конька.

– На-ка глотни, – протянул Иван Петрович флягу девушке.

– Н-нет, – с отвращением оттолкнула фляжку девчонка.

- Тогда руки-ноги себе разотри. А не то простынешь.

Однако девушка так и застыла, с фляжкой в одной руке.

- Ну, рассказывай: что стряслось? Воры?

- Н-нет.

В машине с каждой минутой становилось все жарче, и попутчица тряслась уже меньше.

- А кто? Что произошло?

Девчонка молчала, только продолжала дрожать.

- Не хочешь рассказывать? Понимаю. Скажи только, как тебя зовут? Меня - Иван Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цены указаны до деноминации 1961 года.

Купити: https://telnovel.me/litvinovy_anna/ispoved-chernogo-cheloveka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)